

А. Ф.
ПИСЕМСКИЙ

Избранное

Алексей Феофилактович Писемский

Подкопы

«Утро. Большой кабинетъ. Передъ письменнымъ столомъ сидитъ Владиміръ Ивановичъ Вуландь, плотный, черноволосый, съ щетинистыми бакенбардами мужчина. Онъ, съ мрачнымъ выраженіемъ въ глазахъ, какъ бы просматриваетъ разложенныя передъ нимъ бумаги. Напротивъ его, на диванъ, сидитъ Вильгельмина Ѳедоровна (*жена его*), высокая, худая, белокурая нѣмка. Она, тоже съ недовольнымъ лицомъ, вяжетъ какое-то вязанье...»

Содержание

Дѣйствующія лица:	0007
Дѣйствие первое	0008
Явление I	0008
Явление II	0014
Явление III	0015
Явление IV	0024
Явление V	0025
Явление VI	0026
Явление VII	0026
Явление VIII	0034
Явление IX	0040
Дѣйствие второе	0043
#1	0043
Явление I	0043
Явление II	0055
Явление III	0056
Явление IV	0057
Явление V	0058
Явление VI	0058
Явление VII	0059
Явление VIII	0067
Явление IX	0068
Явление X	0069
Явление XI	0075
Дѣйствие третье	0076

#1	0076
Явлення I	0076
Явлення II	0086
Явлення III	0087
Явлення IV	0094
Явлення V	0095
Явлення VI	0098
Явлення VII	0107
Явлення VIII	0108
Явлення IX	0109
Явлення X	0112
Дѣйствіе четвертое	0114
#1	0114
Явлення I	0114
Явлення II	0116
Явлення III	0126
Явлення IV	0135
Явлення V	0137
Явлення VI	0146
Явлення VIII	0148
Явлення IX	0149
Дѣйствіе пятое	0150
Явлення I	0150
Явлення II	0153
Явлення III	0157
Явлення IV	0168
Явлення V	0169
Явлення VI	0179

Явлення VII	0183
Явлення VIII	0185
Явлення IX	0185
Явлення X	0187

**Алексей Феофилактович
Писемский
Подкопы
Комедія въ пяти дѣйствіяхъ**

*Лошадъ волки съѣли да санями подави-
лись.
ословица.*

Дѣйствующія лица:

Графъ Зыровъ.

Андашевскій, Алексѣй Николаичъ.

Вуландъ, Владимиръ Ивановичъ.

Мямлинъ, Дмитрій Дмитричъ.

Князь Янтарный, Георгій Ираклевичъ.

Варнуха, полковникъ

Шуберскій.

Басаева, Ольга Петровна, дочь графа Зырова – вдова.

Вуландъ, Вильгельмина Ѳедоровна, жена Владиміра Ивановича Вуланда.

Сонина, Марья Сергѣевна, вдова.

Горничныя, слуги.

«Гражданин», No 7, 1873

Дѣйствіе первое

Явленіе I

Утро. Большой кабинетъ. Передъ письменнымъ столомъ сидитъ Владиміръ Ивановичъ Вуландъ, плотный, черноволосый, съ щетинистыми бакенбардами мужчина. Онъ, съ мрачнымъ выраженіемъ въ глазахъ, какъ бы просматриваетъ разложенныя передъ нимъ бумаги. Напротивъ его, на диванъ, сидитъ Вильгельмина Ѳедоровна (*жена его*), высокая, худая, белокурая нѣмка. Она, тоже съ недовольнымъ лицомъ, вяжетъ какое-то вязанье.

Вильгельмина Ѳедоровна.

Я сегодня въ газетахъ прочла, что на мѣсто Янсона назначенъ Андашевскій.

Владиміръ Иванычъ (*не поднимая глазъ отъ бумагъ и мрачнымъ голосомъ*).

Да!.. Съ недѣлю ужъ какъ рѣшено это назначеніе.

Вильгельмина Ѳедоровна.

Отчего жъ ты мнѣ не сказалъ объ этомъ?

Владиміръ Иванычъ.

Забывалъ все какъ-то.

Вильгельмина Федоровна.

А на какомъ основаніи тебя тутъ обошли?

Владиміръ Иванычъ (*какъ бы удивленный этимъ вопросомъ*).

Что же я тутъ такое?

Вильгельмина Федоровна

А то, что ты гораздо старше Андашевскаго по службѣ.

Владиміръ Иванычъ

Это нынче ничего не значитъ.

Вильгельмина Федоровна.

Наконецъ, ты, я думаю, лучше его знаешь дѣло... Опытнѣй его и полагаю даже, что умнѣе!

Владиміръ Иванычъ.

Ты такъ полагаешь; а другіе, видно, полагаютъ иначе!

Вильгельмина Федоровна.

Что-жъ, ты и останешься на своемъ мѣстѣ?

Владиміръ Иванычъ.

Куда-жъ мнѣ дѣваться!

Вильгельмина Федоровна.

Очень просто: проси у графа какойнибудь высшей себѣ должности!... Скажи ему, что ты

униженъ и оскорбленъ назначеніемъ Андашевскаго тебѣ въ начальники, — это самолюбіе благородное, а не глупое!.. Графъ долженъ это понять.

Владиміръ Иванычъ.

Какъ же, пойметъ!.. очень нужно ему до моего самолюбія.

Вильгельмина Ѳедоровна.

И ты, поэтому, съ докладомъ будешь ходить къ Андашевскому?

Владиміръ Иванычъ (*покраснѣвъ въ лицѣ отъ досады*).

Конечно!

Вильгельмина Ѳедоровна

(*тоже вспыхнувъ отъ досады*).

Ну, я женщина, а потому должна была бы имѣть меньше самолюбія, чѣмъ мужчина, — но я лучше бы сквозь землю провалилась, чѣмъ вынесла подобное униженіе.

Владиміръ Иванычъ.

Проваливайся, пожалуй!.. Какъ кого удивишь!.. Скажутъ только, что одной душой на свѣтѣ меньше стало.

Вильгельмина Ѳедоровна (*разсердясь*).

Дурой... Ты самъ послѣ этого дуракъ!.. За что ты бранишься?

Владиміръ Иванычъ.

Какъ же не браниться! Говоришь какой-то вздоръ, фантазіи какія-то!..

Вильгельмина Ѳедоровна.

Нѣтъ, это вовсе не фантазіи, а мнѣ дѣйствительно очень досадна несправедливость графа. Неужели же Андашевскій былъ полезнѣе тебя на службѣ и больше твоего участвовалъ хоть бы въ тѣхъ же реформахъ?

Владиміръ Иванычъ (*съ грустной усмѣшкой*).

Не думаю!.. По реформѣ большую часть работъ производилъ я!

Вильгельмина Ѳедоровна (*стремительно*).

Вотъ поэтому-то мнѣ ужасно и хочется узнать, за что собственно назначень Андашевскій?

Владиміръ Иванычъ.

За то, что льстилъ и подличалъ передъ графомъ до такой степени, что гадко было видѣть это!.. Только что ноги не цаловалъ у него!..

Вильгельмина Ѳедоровна.

Ну, это пустяки: за одно подличанье онъ не назначилъ бы его. Тутъ непременно должно быть чье нибудь постороннее вліяніе, какая нибудь особая причина; а то графу не было бы никакого основанія отдавать Андашевскому предпочтеніе передъ тобой.

Владиміръ Иванычъ.

Не было основанія, однако онъ все таки предпочель его.

Вильгельмина Ѳедоровна.

Предпочель, потому что на то была какая нибудь особая причина; а потому ты тѣмъ больше имѣешь права обидѣться этимъ и требовать у графа, чтобы онъ выхлопоталъ тебѣ въ пенсію твое теперешнее содержаніе и выходи въ отставку.

Владиміръ Иванычъ.

Ну, да, такъ вѣдь сейчасъ это и сдѣлаютъ!.. На дняхъ еще циркулярно по всѣмъ вѣдомствамъ объявлено: чтобы никакихъ представленій о пенсіонныхъ назначеніяхъ выше штатныхъ не дѣлать.

Вильгельмина Ѳедоровна.

А если такъ, то плюнь на все!.. Пусть тебѣ

дадутъ что слѣдуетъ по закону, и уѣдемъ за границу! Я лучше по міру, съ сумой готова идти, чѣмъ видѣть, что мужъ мой подъ начальствомъ у мальчишки, который прежде за счастье считалъ, когда я позволю ему поцаловать мою руку или налью чашку чаю.

(Владиміръ Ивановъ что-то такое хочетъ возразить жене; но входитъ курьеръ).

Курьеръ.

Господинъ Мямлинъ и полковникъ Варнуха.

Вильгельмина Федоровна.

А я еще и не одѣта! Уйти скорѣе!..

Владиміръ Ивановъ *(съ досадою).*

Уходи!.. Что тебѣ тутъ сидѣть!..

(Вильгельмина Федоровна уходитъ).

Владиміръ Ивановъ *(курьеру).*

Проси этихъ господъ!

(Курьеръ уходитъ).

Явленіе II

Владиміръ Иванычъ *(одинъ.)*

Эти женщины хуже змѣи!.. У меня и безъ того адъ на душѣ, а она еще пилитъ своимъ милымъ язычкомъ! Справедливо сказалъ какой-то философъ, что человекъ не столько отъ того страдаетъ, когда ему самому скверно, какъ отъ того, когда онъ видитъ, что другому хорошо! Вчера при мнѣ г. Андашевскій пріѣхалъ въ театръ и проходитъ въ первый рядъ кресель, смотрю всѣ лезутъ къ нему, кланяются, ручки ему пожимаютъ!.. А онъ оглоданой-то харей своей только всѣмъ улыбается, и ко мнѣ вдругъ чуть не съ распростертыми объятями. «Какъ, говоритъ, я счастливъ, что вижу васъ!»! Пытку-бы легче вынесъ, чѣмъ эту милую сцену, а между тѣмъ сиди, самъ тоже улыбайся и дѣлай видъ, что кромѣ удовольствія ничего не чувствуешь!.. Будь кто хочешь, кажется, назначень со стороны, хоть столоначальнишко какой-нибудь изъ аристократовъ, я перенесъ бы это равнодушно; но тутъ предпочтенъ человекъ совершенно-равный мнѣ, стоявшій рѣшительно въ

однихъ условіяхъ со мной, — это ужъ прямо насмѣшка!.. Плевокъ въ лицо!..

Явленіе III

Входитъ Мямлинъ, плѣшивый господинъ, съ женской почти фізіономіей и съ необыкновенно-толстымъ задомъ, и полковникъ Варнуха, худенькій, мозглый малороссіянинъ, съ длиннѣйшими усами, съ неглупымъ, но совершенно необразованнымъ выраженіемъ въ лицѣ.

Мямлинъ.

Имѣю честь представиться! *(на этихъ словахъ онъ вдругъ останавливается и начинаетъ дѣлать изъ лица гримасы).*

Владиміръ Иванычъ *(протягивая ему руку).*

А у васъ это подергиванье въ лицѣ еще не прекратилось!

Мямлинъ.

Лучше нынче, лучше!.. *(продолжаетъ гримасничать).*

Владиміръ Иванычъ *(съ нѣкоторымъ участіемъ).*

Но, скажите, что такое собственно это за

болѣзнь?

Мямлинъ.

Нервная!.. Тоже самое, что и пляска святаго Витта, какъ объясняли мнѣ врачи...

Владиміръ Иванычъ.

И что же, вы боль при этомъ сильную чувствуете?

Мямлинъ.

Нисколько!.. Ни малѣйшей!.. Непроизвольное только сокращеніе личныхъ мускуловъ.

Владиміръ Иванычъ.

Но есть же противъ этого средства какія нибудь?

Мямлинъ.

Электричество больше всего тутъ помогаетъ, и мнѣ теперь гораздо лучше!.. Конечно, когда взволнуешься чѣмъ, такъ усиливаются припадки, а сегодня вотъ я являлся къ графу, потомъ къ вашему новому начальнику, Алексѣю Николаичу Андашевскому, и наконецъ къ вашему превосходительству... Все это очень пріятно, но не могло не подѣйствовать.

(Владиміръ Иванычъ перенесъ свой взглядъ на полковника Варнуху, который все время

стоялъ не пошевеливши ни однимъ мускуломъ; но какъ только взоръ Владиміра Иваныча коснулся до него, такъ онъ мгновенно и очень низко поклонился ему и затѣмъ опять сейчасъ же вытянулся въ струнку.)

Владиміръ Иванычъ (относясь къ нему).

Вы недавно причислены къ намъ?

Полковникъ Варнуха (бойко и отчетливо)

Точно такъ.

Владиміръ Иванычъ.

Но по чьему собственно представленію?

Полковникъ Варнуха.

Алексѣя Николаича-съ.

Владиміръ Иванычъ.

Стало быть, вы лично ему извѣстны?

Мямлинъ (у котораго лицо окончательно уже успокоилось).

Дядя мой, князь Михайло Семенычъ просилъ за него Алексѣя Николаича... Господинъ Варнуха завѣдывалъ нѣкоторое время имѣньемъ дяди.

Полковникъ Варнуха.

Тогда, оставимши военную службу, я занимался частными дѣлами и почестъ что всѣ

имѣнья князя Михайла Семеныча пуцаль на выкупъ, и такъ какъ онъ остался очень доволенъ мной, то и сдѣлаль меня потомъ смотрителемъ Огюньскаго завода.

Владиміръ Иванычъ (какъ бы повторяя слова Варнухи).

Смотрителемъ Огюньскаго завода вы были?.. Но заводъ этотъ, какъ мнѣ помнится, производится этими несчастными ссыльными?

Полковникъ Варнуха.

Точно такъ-съ. Очень трудно было управлять!.. На собственной рукѣ даже нѣсколько шрамовъ!.. (заворачиваетъ рукавъ мундира и показываетъ нѣсколько шрамовъ).

Владиміръ Иванычъ.

Это отчего?

Полковникъ Варнуха.

Биль ихъ-съ изъ собственныхъ рукъ!.. Съчь не велѣно... но суду когда еще что будетъ, а между тѣмъ они буянствуютъ каждый день, только этимъ самымъ и усмирять ихъ!

Владиміръ Иванычъ.

Вы тамъ и получили чинъ полковника?

Полковникъ Варнуха.

Точно такъ-съ. Три года уже состою полковникомъ и тепериче-бы желалъ получить болѣе высшую должность.

Владиміръ Иванычъ.

Да... Но у насъ, вѣдь, предварительно всякаго назначенія, даютъ обыкновенно порученія...

Полковникъ Варнуха.

Слушаю-съ, ваше превосходительство!

Владиміръ Иванычъ.

И смотря потому, кто какъ исполнить ихъ..

Полковникъ Варнуха.

Слушаю-съ.

Владиміръ Иванычъ.

Прошу садиться! *(Движеніемъ руки своей приглашаетъ гостей своихъ садиться. Мямлинъ довольно свободно располагается на своемъ креслѣ; но полковникъ Варнуха только притыкается на кончикъ стула).*

Мямлинъ *(заискивающимъ голосомъ).*

А я только вчерашняго числа возвратился изъ моей скучной и длинной командировки.

Владиміръ Иванычъ *(насилно улыбаясь).*

Знаю это я!

Мямлинъ.

Въ три тома дѣло произвелъ!.. Вотъ какихъ три тома!.. *(показываетъ рукою на аршинъ отъ земли)*. Двѣсти пятьдесятъ деревень объѣхалъ: съ желѣзными дорогами семь тысячъ восемьсотъ верстъ сдѣлалъ, — надобно было на это употребить времени и труда!

(На всѣ эти слова Владиміръ Иванычъ хотъ бы малѣйшее выразилъ одобреніе).

Мямлинъ *(продолжаетъ)*.

И какъ вотъ сей часъ я Алексѣю Николаичу докладывалъ: въ самую нынѣшнюю страстную недѣлю, когда всѣ истинно-русскіе желаютъ и ждутъ разговѣться, я, одинъ-одинехонекъ, живу въ идолопоклоннической, мордовской деревнюшкѣ; только одинъ разъ въ недѣлю и оживаешь душой, когда услышишь благовѣсть изъ сосѣдняго русскаго села или съѣздишь туда къ обѣднѣ; вдругъ я читаю въ газетахъ, что на мѣсто Якова Васильича Янсона назначенъ нашъ Алексѣй Николаичъ. Я всплакалъ даже отъ радости; потому что этотъ выборъ прямо показываетъ, что въ настоящее время въ Россіи можно служить и что достоинства и заслуги не пропадаютъ да-

ромъ!

(Владимиръ Иванычъ, лицо котораго становилось все болѣе и болѣе сердитымъ и недовольнымъ, и на эти слова ничего не проговорилъ).

Мямлинъ *(обращаясь уже къ полковнику Варнухъ).*

Согласны вы съ этимъ?

Полковникъ Варнуха *(потупляя глаза и какимъ-то нерѣшительнымъ голосомъ).*

Конечно-съ!..

Мямлинъ *(совѣршенно не соображая къ кому и что говоритъ).*

Про Алексѣя Николаича всѣ, я думаю, даже враги его скажутъ, что онъ уменъ!.. Просвѣщенъ!.. Дѣятеленъ!.. Знающъ!

(Каждое слово Мямлина какъ бы булавкой колело полковника Варнуху, такъ что онъ слегка даже вздрагивалъ).

Мямлинъ *(въ окончателномъ пафосѣ своего увлеченія и снова обращаясь къ нему).*

И наконецъ души ангельской! Чего жъ можно больше требовать отъ человѣка!

(Полковникъ Варнуха при этомъ только уже выворотилъ бѣлки свои на Мямлина, какъ

бы желая тѣмъ выразить ему свое удивленіе).

Мямлинъ *(ничего этого незамѣчавшій).*

Это назначеніе такъ меня ободрило, что когда я радость мою по этому предмету передавалъ князю Михаилу Семенычу, такъ онъ, сочувствуя, конечно, вполнѣ выбору Алексѣя Николаича, посмѣялся даже мнѣ: «Ахъ ты, говоритъ, добрая, русская душа; каждому малѣйшему успѣху Россіи ты радуешься!..» Я что жъ? Признаюсь: патріотъ!.. Люблю мое отечество! И теперь вотъ прямо самому графу и вамъ осмѣлюсь сказать и просить рассмотреть мои труды; можетъ быть, и въ нихъ найдется что нибудь полезное! Никакой поблажки или снисхожденія не желаю себѣ; а прошу только рассмотреть ихъ и оцѣнить по достоинству.

Владиміръ Иванычъ *(мрачнымъ голосомъ).*

Наша обязанность разсматривать всѣ поступающія къ намъ дѣла.

Мямлинъ.

А я только и желаю того! *(начинаетъ снова выдѣлывать изъ лица гримасы).*

Владиміръ Иванычъ *(съ нескрываемымъ*

отвращеніемъ).

Какая, однако, у васъ болѣзнь эта несносная.

Мямлинъ.

Очень несносная! *(встаетъ и начинаетъ раскланиваться).* Поручаю себя вашему вниманію.

Владиміръ Иванычъ *(тоже вставая и протягивая Мямлину руку).*

Весьма радъ, что видѣлъ васъ!

Мямлинъ *(склоняя передъ нимъ голову).*

Супругъ вашей прошу засвидѣтельствовать отъ меня глубочайшее уваженіе.

Владимиръ Иванычъ.

Благодарю васъ! *(обращаясь къ полковнику Варнухъ, но не протягивая ему руки).* Радъ, что съ вами познакомился!

(Полковникъ Варнуха проворно и низко ему кланяется).

Мямлинъ *(показывая на него рукою).*

Мы съ полковникомъ только и просимъ васъ объ одномъ: воздать каждому изъ насъ по дѣломъ нашимъ!

(Оба за тѣмъ еще разъ раскланиваются съ

Владиміромъ Иванычемъ и уходятъ).

Явленіе IV

Владиміръ Иванычъ (*оставшись одинъ и какимъ-то тигромъ разсвирѣплымъ садясь на свое мѣсто*).

Погодите, – я воздамъ вамъ по дѣломъ вашимъ!.. Этотъ дуралей-то прокаженный воображаетъ, что я его три дурацкіе тома стану читать; да я, безъ всякаго чтенія, прямо доложу графу, что это чепуха великая, и напередъ увѣренъ, что не ошибусь!.. Въ Андашевскомъ какого-то ужъ ангела открылъ и говоритъ мнѣ это прямо въ глаза, – одно это показываетъ, что онъ дуракъ набитый! Другой-то тоже хорошъ, спичка эта военная, воришка съ какого-то заводишка, высшей должности себѣ ожидаетъ! Что до меня касается, такъ я васъ обоихъ угощу: въ службѣ только еще и осталось одно это наслажденіе, что подобнымъ скотамъ можешь ногу подставить!

Явленіе V

(**В**ходитъ лакей).

Лакей.

Чиновникъ Шуберскій!

Владиміръ Иванычъ.

О, чортъ его дери! (*сердито къ лакею*). Что ему надобно отъ меня?

Лакей.

Онъ съ бумагами какими-то пришель-съ.

Владиміръ Иванычъ.

Зови!

(*Лакей уходитъ*).

Явленіе VI

Владиміръ Иванычъ.

Я увѣренъ, что этотъ прощальга пришель высмотрѣтъ, что у меня написано на лицѣ.

Явленіе VII

(Входитъ Шуберскій, молодой еще человекъ въ вицъ-мундирномъ фракѣ и съ дѣлами подъ мышкой).

Владиміръ Иванычъ (довольно сурово ему).

Что у васъ за дѣла такія спѣшныя?

(Шуберскій на это молча подаетъ ему бумаги).

Владиміръ Иванычъ *(подписывая эти бумаги).*

Это все пустяки какіе-то, подтвержденія!.. Развѣ они не могли полежать, пока я пріѣду! *(почти швыряетъ къ Шуберскому подписанныя бумаги).*

Шуберскій *(скромно подбирая эти бумаги)*

Я еще и собственное дѣло имѣю къ вамъ,
Владиміръ Иванычъ!

Владиміръ Иванычъ.

Что такое-съ?

Шуберскій.

Я пришелъ попросить у васъ позволенія
подать мнѣ въ отставку.

Владиміръ Иванычъ (*видимо удивленный
этими словами*).

Это съ чего вамъ вздумалось?

Шуберскій (*грустно пожимая плечами*).

Мнѣ при Алексѣ Николаичѣ невозможно
оставаться служить. Онъ въ первый же разъ
какъ будетъ управлять за графа, начнетъ
непремѣнно преслѣдовать меня.

Владиміръ Иванычъ (*съ нѣкоторымъ
вниманіемъ*).

Но что такое собственно у васъ съ нимъ
вышло?.. Я до сихъ поръ не знаю хорошенько!

Шуберскій (*скромно потупляя глаза*).

Я въ одномъ фельетонѣ моемъ написалъ
про Алексѣя Николаича!.. Тогда, можетъ быть,
вы изволите помнить дѣло это по Калишин-
скому акціонерному обществу.

Владиміръ Иванычъ (*съ большимъ уже*

вниманіємъ).

Ну-съ!

Шуберскій (съ тѣмъ же скромнымъ видомъ).

А у меня въ этомъ обществѣ зять, мужъ сестры моей, служилъ...

Владиміръ Иванычъ (съ еще большимъ вниманіемъ).

Ну!

Шуберскій.

Онъ какъ-то приходитъ къ намъ и рассказываетъ: «вашъ, говоритъ, Андашевскій взялъ съ нашей компаніи триста тысячъ акціями».

Владиміръ Иванычъ (покраснѣвъ даже въ лицѣ отъ удовольствія).

Стало быть, это не утка газетная была?

Шуберскій.

Какая же газетная утка? Зять мой съ управляющимъ компаніей и возилъ къ нему эти акціи и не на домъ, а на квартиру къ его любовницѣ.

Владиміръ Иванычъ

Это къ Марьѣ Сергѣевнѣ Сониной?

Шуберскій.

Къ ней именно!... Алексѣй Николаичъ у ней въ гостиной и принялъ эти акціи; сначала сосчиталъ ихъ очень акуратно, а потомъ просилъ Марью Сергѣевну положить ихъ на время въ свою шифоньерку.

Владиміръ Иванычъ.

И вы все это описали?

Шуберскій.

Почти; но главнымъ образомъ я провелъ въ статьѣ ту мысль, что какъ выгодно бываетъ иногда акціонернымъ обществамъ открывать бесплатную подписку нѣкоторымъ лицамъ, и въ примѣръ тому указалъ на Калишинское акціонерное общество и будто-бы нѣкоего г. Подстегина...

Владиміръ Иванычъ.

И что же, по поводу этого фельетона, Андашевскій имѣлъ съ вами объясненіе?

Шуберскій.

Очень большое! Именемъ графа призывалъ меня къ себѣ и спрашивалъ: кто это писалъ? я сказалъ, что я. Онъ спросилъ: про кого это писано и кто именно г. Подстегинъ? Я отвѣчалъ, что лицо это совершенно вымышленное. Онъ, однако, не повѣрилъ тому и на-

чалъ меня тѣснить, такъ что если бы вы не взяли меня къ себѣ, то я службу долженъ былъ-бы оставить.

Владиміръ Иванычъ.

Я теперь припоминаю: онъ мнѣ тогда выговаривалъ, зачѣмъ я васъ взялъ къ себѣ!... Да вы садитесь, пожалуста!... Что-жъ вы все стоите?

(Шуберскій садится и принимаетъ не столь уже подобострастный видъ).

Владиміръ Иванычъ *(продолжаетъ съ важностью).*

И рассказывалъ такъ, что когда вы сдѣлались фельетонистомъ газетъ, то безпре- станно стали являться къ нему и просить себѣ наградъ и повышеній; но онъ, не находя васъ заслуживающимъ того, отказывалъ вамъ, — тогда вы написали на него этотъ пасквиль...

Шуберскій *(съ нѣскольکو вспыхнувшимъ лицомъ).*

Нѣтъ-съ, я не пасквиль на него писалъ, а передалъ дѣйствительно случившійся фактъ!

Владиміръ Иванычъ.

А зять вашъ, скажите, можетъ подтвер-

дить этотъ фактъ?... Имѣеть какое нибудь юридическое доказательство на него?

Шуберскій.

Зять мой не станетъ подтверждать этого факта, потому что онъ до сихъ поръ служить въ томъ же обществѣ, и отъ этой службы зависитъ весь его кусокъ хлѣба; но всего лучше фактъ этотъ можетъ подтвердить Марья Сергѣевна Сони́на.

Владиміръ Иванычъ.

Вона! Подниметь Марья Сергѣевна руку на своего возлюбленнаго!...

Шуберскій.

Подниметь-съ теперь!... Онъ, говорятъ, покинулъ ее.

Владиміръ Иванычъ (*воскликая въ удивленіи*).

Какъ покинулъ?

Шуберскій.

Совершенно покинулъ-съ и женится, говорятъ, на какой-то княжнѣ или графинѣ...

Владиміръ Иванычъ (*какъ-бы въ порывѣ благороднаго негодованія*).

Ахъ, негодяй какой!... (*сильно звонитъ*).

(*Вбѣгаетъ прежній лакей*).

Владиміръ Иванычъ (ему).

Позови сюда скорѣй Вильгельмину Ѳедоровну.

(Лакей уходитъ).

Шуберскій.

Даже многіе изъ нашихъ чиновниковъ удивляются этому поступку Алексѣя Николаича, зная, сколько лѣтъ онъ любилъ Марью Сергѣевну.

Владиміръ Иванычъ.

Никогда онъ ее не любилъ и никого въ міръ онъ не можетъ любить! Этотъ человекъ до мозга костей своихъ эгоистъ и лицемѣръ. Я началъ знать г. Андашевскаго съ самаго его поступленія къ намъ. Онъ шагу въ жизни не сдѣлалъ безъ пользы для себя. Пока Марья Сергѣевна была молода, недурна собой, – женщина она съ обезпеченнымъ состояніемъ, и поэтому денегъ отъ него не требовала, – онъ и водится съ ней, а теперь вѣроятно пріискалъ себѣ въ невѣсты какую нибудь другую дуру съ большимъ состояніемъ и съ хорошими связями.

Шуберскій.

Я на-дняхъ узнаю кто эта невѣста его.

Владиміръ Иванычъ.

Узнайте пожалуйста и мнѣ передайте.

Шуберскій.

Очень хорошо-съ. (*Помолчавъ немного*).

Непонятно тутъ то, что какимъ образомъ графъ, личность столь умная и честная, могъ приблизить къ себѣ подобнаго челоуѣка.

Владиміръ Иванычъ (*стремительно*).

Очень просто это сдѣлалось: сначала г. Андашевскій постоянно старался представить изъ себя чиновника честнѣйшихъ правилъ и самыхъ возвышенныхъ взглядовъ и для этого накупалъ разныхъ книгъ и журналовъ иностранныхъ и всѣмъ обыкновенно рассказывалъ, что онъ то, сѣ, третіе тамъ читалъ, — это, разумѣется, доходило и до графа. Онъ сталъ обращать на него вниманіе. Господинъ Андашевскій, конечно, сейчасъ-же этимъ воспользовался, а потомъ сталъ льстить графу, увѣрять его въ безконечной преданности къ нему и тутъ же будто къ слову напѣвалъ ему, какъ онъ самъ работаетъ дни и ночи и этимъ способомъ обыкновенно каждый годъ выханжить у него то награды, то повышение въ должности, и я убѣжденъ даже,

что господинъ Андашевскій Янсона подшибъ,
чтобы сѣсть на его мѣсто...

Шуберскій.

Слухи есть объ этомъ?

Владиміръ Иванычъ.

Непремѣнно-съ это было!... Потому что графъ очень любилъ Янсона и вдругъ возненавидѣлъ: явно, что тутъ чей нибудь на-сказъ былъ...

Явленіе VIII

(Входитъ Вильгельмина Федоровна).
Владиміръ Иванычъ *(обращаясь къ ней).*

Слышала: нашъ Алексѣй Николаичъ бросилъ свою Марью Сергѣевну?

Вильгельмина Федоровна *(отступая даже шагъ назадъ).*

Не можетъ быть!

Владиміръ Иванычъ.

Бросилъ и женится на какой-то княжнѣ.

Вильгельмина Федоровна.

Господи, чего ужъ не выдумаютъ?

Шуберскій.

Нѣтъ-съ, это не выдумка! Собственный ла-

кей Алексѣя Николаича на-дняхъ въ трактирѣ хвасталъ и рассказывалъ, что господинъ его женится на какой-то графинѣ или княжнѣ, богатой, красавицѣ изъ себя...

Вильгельмина Ѳедоровна (*видимо заинтересованная этой новостью и садясь на диванъ*).

Но можетъ быть это перемѣшали только, а онъ именно на Марьѣ Сергѣевнѣ и женится.

Шуберскій.

Врядъ-ли-съ, потому что лакей къ этому прибавлялъ, что прежнюю свою привязанность Алексѣй Николаичъ бросилъ: ни самъ къ ней не ѣздитъ, ни ее къ себѣ не принимаетъ.

Вильгельмина Ѳедоровна.

Бѣдная Марья Сергѣевна; я воображаю, что теперь съ ней происходитъ: она, я думаю, не перенесетъ этого и съ ума сойдетъ.

Владиміръ Иванычъ.

Если только есть ей съ чего сходить! (*обращаясь къ Шуберскому*). А вы не извольте оставлять службы – это вздоръ!.. При женѣ ничего, – можно говорить все: г. Андашевскій безъ меня не можетъ сдѣлать вамъ никакого

существеннаго зла; но если онъ отнесется ко мнѣ, то я прямо его спрошу, за что онъ васъ преслѣдуетъ? Онъ мнѣ, разумѣется, скажетъ, что въ каждомъ присутственномъ мѣстѣ неудобно имѣть чиновникомъ газетнаго репортера, такъ какъ онъ можетъ разгласить какія нибудь даже государственныя тайны. «Но гдѣ же, спрошу, статья закона, прямо воспреещающая газетнымъ репортерамъ быть чиновниками; потому что въ отношеніи нашихъ подчиненныхъ мы можемъ дѣйствовать только на основаніи существующихъ узаконеній; если-же, скажу, вы желаете употребить какую нибудь произвольную мѣру, то я не знаю, во первыхъ, въ чемъ она можетъ состоять, а во вторыхъ, пусть ужъ она будетъ безъ меня!» Тогда я и посмотрю, что онъ вамъ сдѣлаетъ.

Шуберскій.

Сдѣлаетъ то, что велитъ подать мнѣ въ отставку.

Владиміръ Иванычъ (*воскликая во весь голосъ*).

Никогда!.. никогда!.. Какъ это вы – умный молодой человекъ, и не понимаете того!.. Ес-

ли-бы онъ дѣйствительно имѣлъ глупость вытѣснить васъ, такъ вы объ этомъ можете напечатать во всѣхъ газетахъ, потому что это явное пристрастіе и проведеніе въ службѣ личныхъ антипатій; и повѣрьте вы мнѣ-съ: г. Андашевскій не только не станетъ васъ преслѣдовать теперь, а напротивъ: онъ будетъ возвышать васъ...

Шуберскій.

Ну, ужъ этого, я думаю, никогда не можетъ быть...

Владиміръ Иванычъ.

Очень возможно-съ! г. Андашевскій, сколько я его знаю, смѣль и деспотиченъ только противъ слабенькихъ и смирененькихъ, а вы, кажется, не изъ такихъ и кромѣ того онъ очень хорошо понимаетъ, что въ рукахъ вашихъ печать, т. е. возможность за и *противъ* него направить общественное мнѣніе.

Шуберскій (*съ удовольствіемъ*).

Конечно, я могу это сдѣлать (*вставая на ноги*), и если вы, Владиміръ Иванычъ, такъ на это изволите смотрѣть, то позвольте мнѣ, за все что вы сдѣлали и дѣлаете для меня, этой печатью служить вамъ, въ чемъ только вы

прикажете...

Владиміръ Иванычъ.

Благодарю васъ! Но, можетъ быть, вамъ не совсѣмъ будетъ удобно писать, напримѣръ, про наше вѣдомство, такъ какъ вы служите у насъ: опять, пожалуй, выйдетъ какая нибудь глупая исторія!

Шуберскій.

Я самъ ничего и не буду писать; но у меня есть очень много пріятелей фельетонистовъ, которые напишутъ все что я ихъ попрошу.

Владиміръ Иванычъ.

Отлично это, неподобно!.. и я, признаюсь, весьма былъ-бы доволенъ, если бы, по поводу назначенія г. Андашевскаго, которое все таки считаю величайшей ошибкой со стороны графа, въ газетахъ прошла такого рода инсинуація, что отчего-де такъ мало обращаютъ вниманія на общественное мнѣніе при назначеніи на разныя должности и выбираютъ людей, у которыхъ на совѣсти дѣла въ родѣ дѣлъ по Калишинскому акціонерному обществу и которые женщину двадцать лѣтъ безкорыстно ихъ любившую бросаютъ при первомъ своемъ возвышеніи. Понимаете, что-

бы, въ одно и тоже время, затушевано все было и прозрачно!

Шуберскій.

Понимаю, и не прикажете-ли еще прибавить, что общественное мнѣніе тѣмъ болѣе бываетъ удивлено, что въ подобныхъ случаяхъ иногда обходятъ людей, истинно признанныхъ на извѣстный постъ.

Владиміръ Ивановъ.

Нѣтъ, это зачѣмъ же ужъ!.. Довольно и того!

Шуберскій.

Слушаю-съ! *(кланяется сначала Владиміру Иванову, а потомъ Вильгельминъ Федоровнѣ и идетъ).*

Владиміръ Ивановъ *(вслѣдъ ему).*

Пожалуста, когда будете имѣть какую нибудь просьбу ко мнѣ, адресуйте безъ всякой церемоніи.

Шуберскій *(еще разъ кланяясь въ дверяхъ).*

Не премину воспользоваться вашимъ добрымъ позволеніемъ! *(уходитъ).*

Явленіе IX

Владиміръ Иванычъ и Вильгельмина Ѳедоровна.

Владиміръ Иванычъ.

Съ этой стороны мы, значитъ, дадимъ г. Андашевскому щелчокъ порядочный!.. (обращаясь къ женѣ), потомъ ты съѣздишь къ Марьѣ Сергѣевнѣ.

Вильгельмина Ѳедоровна (невиннымъ голосомъ).

Хорошо!.. Мнѣ самой очень хочется навѣстить ее!

Владиміръ Иванычъ.

Вопервыхъ, навѣстить тебѣ ее надобно; а потомъ... помнишь ты это Калишинское дѣло, по которому г. Андашевскій цапнулъ триста тысячъ?

Вильгельмина Ѳедоровна (въ удивленіи).

Триста тысячъ однако!

Владиміръ Иванычъ.

Триста тысячъ – ни больше, ни меньше, и приѣмъ этихъ денегъ, какъ сказывалъ мнѣ сейчасъ Шуберскій, происходилъ на квартирѣ Марьи Сергѣевны и даже въ присутствіи

ея: а потому она, Богъ знаетъ, можетъ быть, какія доказательства имѣетъ къ уличенію г. Андашевскаго.

Вильгельмина Ѳедоровна.

Но если и есть у ней такія доказательства, развѣ она скажетъ объ нихъ.

Владиміръ Иванычъ.

Скажетъ, потому что она зла теперь на Андашевскаго за его измену; а, наконецъ, она дура набитая: у ней всегда все можно выпросить и даже выманить; главное, нѣтъ-ли у ней какого нибудь документика обличающаго: письмеца его или записочки?

Вильгельмина Ѳедоровна.

Положимъ, у ней найдется такой документъ и она отдастъ его; но что-жъ потомъ будетъ?

Владиміръ Иванычъ.

Потомъ превосходно будетъ: я двадцать такихъ писачекъ, какъ Шуберскій, найму и заставлю ихъ называть въ газетахъ прямо уже по имени г. Андашевскаго; мало того: я документъ этотъ лично принесу къ графу и скажу, что получилъ его по городской почтѣ для доставленія ему.

Вильгельмина Ѳедоровна (*недовѣрчиво пожимая плечами*).

И графъ, разумѣется, разсердится на тебя за это; потому что Андашевскій все-таки его созданіе, а потомъ они уже вмѣстѣ, вдвоемъ, начнутъ тебѣ мстить и преслѣдовать тебя!

Владиміръ Иванычъ.

Да хоть-бы они голову сняли съ меня за то, такъ и сдѣлаю это!.. Мнѣ легче умереть, чѣмъ видѣть, какъ этотъ плуть и подлипало возвышается!..

(Занавѣсъ падаетъ).

Конецъ перваго дѣйствія.

«Гражданин», Но 8, 1873

Дѣйствіе второе

Гостиная въ квартирѣ Марьи Сергѣевны Со-
ниной.

Явленіе I

Марья Сергѣевна не старая еще женщина, но полная и не по лѣтамъ уже обрюзглая, съ землянымъ цвѣтомъ лица и съ немного распухнувшимъ отъ постояннаго насморка носомъ: когда говоритъ, то тянетъ слова. Она полулежитъ на диванѣ, кругомъ обложенная подушками. Какъ бы въ противоположность ей, не вдалекѣ отъ дивана, бодро и прямо сидитъ на креслѣ Вильгельмина Ѳедоровна въ модной шляпкѣ и дорогой шали.

Вильгельмина Ѳедоровна.

Я бы непременно давно у васъ была: но полагаю, что вы на дачѣ и только вчера спросила Владиміра Иваныча: «Гдѣ, говорю, нынче на дачѣ живетъ Марья Сергѣевна?...» «Какое, говоритъ, на дачѣ; она въ городѣ и больна!!» «Ахъ, говорю, какъ же тебѣ не грѣхъ не сказать мнѣ!» Сегодня ужъ нарочно отложила

всѣ дѣла въ сторону и поѣхала.

Марья Сергѣевна.

Я давно больна, третій мѣсяцъ больна и даже посѣтовала въ душѣ, что вы не побываете у меня!

Вильгельмина Ѳедоровна.

Да вы бы написали мнѣ, я сейчасъ же бы и пріѣхала къ вамъ.

Марья Сергѣевна.

А этого я и не сообразила, а потомъ тоже полагала, что вы также на дачу переѣхали.

Вильгельмина Ѳедоровна.

Нѣтъ, мы другой годъ не живемъ на дачѣ, — Владиміру Иванычу рѣшительно некогда; онъ по горло заваленъ дѣлами!.. Наградъ никакихъ не даютъ; а дѣла прибавляютъ, такъ что я прошу его даже бросить лучше эту службу проклятую.

Марья Сергѣевна (*махнувъ рукой*).

Охъ, эта ужъ нынче служба; она всѣхъ, кажется, отъ всего отвлекаетъ!

Вильгельмина Ѳедоровна.

Какъ же не отвлекаетъ!... но когда еще она вознаграждается, такъ это ничего; вотъ какъ нашему общему съ вами знакомому Алексѣю

Николаичу Андашевскому – тому хорошо служить: въ тридцать какихъ нибудь съ небольшимъ лѣтъ какую должность получилъ.

Марья Сергѣевна.

А вы думаете – легко ему! Онъ тоже никуда теперь не ѣздитъ; у меня какихъ нибудь раза два былъ въ продолженіи всей моей болѣзни; пишетъ, что все дѣлами занятъ!

Вильгельмина Ѳедоровна (какъ бы въ удивленіи).

Неужели-же онъ у васъ всего только два раза былъ?

Марья Сергѣевна.

Всего!... Это меня больше и огорчаетъ; а вижу, что нельзя требовать, – занятъ!

Вильгельмина Ѳедоровна.

Что-жъ такое занятъ!... Это ужъ, видно, не одни занятія его останавливаютъ, а что нибудь и другое.

Марья Сергѣевна (съ нѣкоторымъ испугомъ и удивленіемъ).

Что же другое можетъ его останавливать?

Вильгельмина Ѳедоровна.

Заважничаль можетъ быть!... Возгордился, что на такой важный постъ вышелъ.

Марья Сергѣевна.

Но какъ же ему, душенька, противъ меня-то гордиться!... Вы знаете, я думаю, мои отношенія съ нимъ!... Что жъ, я, не скрываюсь, говорю, что пятнадцать лѣтъ жила съ нимъ какъ съ мужемъ.

Вильгельмина Ѳедоровна.

Какъ же не знать!... Всѣ очень хорошо знаемъ, и тѣмъ больше тому удивляемся! Въ газетахъ даже пишутъ объ этомъ.

Марья Сергѣевна (*окончательно испугавшись*).

Въ газетахъ?

Вильгельмина Ѳедоровна.

Да!... Сегодня Владиміръ Иванычъ, какъ я поѣхала къ вамъ, подалъ мнѣ газету и говоритъ: «Покажи этотъ нумеръ Марьѣ Сергѣевнѣ; врядъ-ли не про нее тутъ написано!» Я и захватила ее съ собою (*подаетъ Марьѣ Сергѣевнѣ газету*). Въ этомъ вотъ столбцѣ напечатано это!... (*показываетъ ей на одно мѣсто въ газетѣ*).

Марья Сергѣевна (*начинаетъ неумѣло и вслухъ читать*).

Мы сегодня лучъ нашего фонаря наведемъ

во внутренность одного изъ петербургскихъ домовъ, въ небольшую, но мило убранную квартиру; въ ней сидитъ съ кроткими чертами лица женщина; противъ нея помѣщается уже знакомый нашему читателю г. Подстегинъ. Видно, что бѣдная женщина преисполнена любви и нѣжности къ нему, но г. Подстегинъ мраченъ и озабоченъ. Вдругъ раздается звонокъ. Г. Подстегинъ проворно встаетъ съ своего стула и выходитъ въ зало. Тамъ стоятъ какихъ-то двое неизвѣстныхъ господъ; они сначала почтительно кланяются г. Подстегину; а потомъ начинаютъ съ нимъ шептаться. Въ результатъ этого совѣщанія было то, что когда г. Подстегинъ проводилъ своихъ гостей и снова возвратился къ своей собесѣдницѣ, то подалъ ей на триста тысячъ акціи Калишинскаго акціонернаго общества. «Ангель мой, говоритъ онъ ей: побереги эти деньги до завтра въ своей шифоньеркѣ!» *(останавливаясь читать и качая головою)*. Да!... Это такъ!... Да! Правда!

Вильгельмина Ѳедоровна *(стремительно)*.

Правда это, значить?

Марья Сергѣевна.

Совершенная правда!... Два дня потомъ лежали у меня эти деньги! вечеромъ онъ обыкновенно поздно отъ меня уѣзжалъ, побоялся ихъ взять съ собою; а на другой день ему что-то нельзя было заѣхать за ними; онъ и пишетъ мнѣ: «Мари, будь весь день дома, не выходи никуда и постереги мои триста тысячъ!» Такъ я и стерегла ихъ: цѣлый день все у шифоньерки сидѣла!

Вильгельмина Ѳедоровна (*съ вспыхнувшимъ отъ радости лицомъ*).

А у васъ цѣла эта записочка?

Марья Сергѣевна.

Цѣла! О, у меня каждая строчка его сохраняется!... Интересно, кто это пишетъ!

Вильгельмина Ѳедоровна.

Тутъ дальше еще интереснѣе будетъ!... Позвольте мнѣ вамъ прочесть – вамъ, кажется, трудно читать.

Марья Сергѣевна.

Да, я не привыкла читать; по французски мнѣ еще легче, – прочтите, пожалуста!

Вильгельмина Ѳедоровна (*беретъ газету и начинаетъ бойко и отчетливо читать*).

«Казалось-бы, что одно это событие могло связать на вѣки г. Подстегина съ его подругой; но ничуть не бывало: онъ кидаетъ ее, какъ только нужно ему это стало. Напрасно бѣдная женщина пишетъ ему, – онъ ей не отвѣчаетъ! Она посылаетъ къ нему свою горничную, – онъ общается къ ней прѣхать и не ѣдетъ!»

Марья Сергѣевна *(со слезами уже на глазахъ).*

И это совершенно правда!... Но кто же, душа моя, могъ все это узнать и описать.

Вильгельмина Ѳедоровна *(съ улыбкою).*

Это пишетъ чортъ, который куда наведетъ лучъ волшебнаго фонаря своего, вездѣ все и видитъ.

Марья Сергѣевна.

Какъ чортъ – Господи помилуй!

Вильгельмина Ѳедоровна.

Конечно, не чортъ, а человекъ; но у котораго вездѣ есть лазейки, шпіоны свои, черезъ которыхъ онъ все знаетъ.

Марья Сергѣевна.

Ужъ дѣйствительно настоящій чортъ – все описаль.

Вильгельмина Ѳедоровна.

Но вы послушайте еще дальше! (*читаетъ*).
«Перемѣнимъ направленіе нашего луча: передъ нами богато-убранная гостиная. Г. Подстегинъ стоитъ уже на колѣняхъ передъ прелестнѣйшей собой дамой. Она вѣеромъ тихонько ударяетъ его по головѣ и говоритъ: „я никогда не выйду за васъ замужъ, пока вы такъ дурно будете произносить по французски!“ „Божество мое, восклицаетъ Подстегинъ, я учусь у француза произносить слова. Какъ вы, на примѣръ, находите я произношу слово: *étudiant*?... хорошо?“ „Недурно, отвѣчаетъ дама и даетъ ему поцѣловать кончикъ своего мизинца“.»

Марья Сергѣевна.

И это правда!.. Онъ очень дурно произносить по французски.

Вильгельмина Ѳедоровна.

Французъ, тоже говорятъ, какъ назначили его товарищемъ, каждый день ходитъ къ нему и учитъ его.

Марья Сергѣевна.

Но кто-же эта дама? Не я же это?

Вильгельмина Ѳедоровна.

Конечно, не вы!.. И я не знаю, правда-ли это, но весь Петербургъ, говорятъ, понялъ такъ, что это Ольга Петровна Басаева.

Марья Сергѣевна *(восклищаетъ)*.

Дочь графа?

Вильгельмина Ѳедоровна.

Да!.. Онъ дѣйствительно бываетъ у ней каждый вечеръ; по слухамъ, даже женится на ней – вотъ и вѣрьте нынче мужчинамъ!

Марья Сергѣевна *(съ полными уже слезъ глазами)*.

Славно, отлично со мной поступилъ!.. Но я не допущу этого; не позволю ему это сдѣлать!

Вильгельмина Ѳедоровна.

Но какъ же вы не допустите? Чѣмъ? Какимъ способомъ?

Марья Сергѣевна.

А я приду въ ту церковь, гдѣ ихъ вѣнчать будутъ, да и лягу поперекъ двери.

Вильгельмина Ѳедоровна.

Развѣ возможно это? Вы и не узнаете, гдѣ они обвѣнчаются.

Марья Сергѣевна.

Но не могу же, душа моя, я все это видѣть и

переносить равнодушно.

Вильгельмина Федоровна.

Записочкой вотъ этой, гдѣ онъ пишетъ о трехстахъ тысячахъ, которыя онъ въ вашемъ домѣ получилъ съ Калишинскихъ акціонеровъ, вы могли бы попугать его; но вы, конечно, никогда не рѣшитесь на это!

Марья Сергѣевна.

Отчего-же?.. Ничего?.. Если онъ самъ со мной такъ поступаетъ, то я рѣшусь на все!.. Я добра и кротка только до времени!.. Но чѣмъ же я именно напугаю его этимъ?

Вильгельмина Федоровна.

Тѣмъ, что вы записку эту можете напечатать.

Марья Сергѣевна.

Гдѣ же это я напечатаю ее?

Вильгельмина Федоровна.

Въ газетахъ!.. Въ какой хотите газетѣ можете напечатать.

Марья Сергѣевна.

Но, душенька, я рѣшительно не съумѣю это сдѣлать! Если я ему скажу это, онъ просто разсмѣется. «Гдѣ, скажетъ, тебѣ напечатать!» Онъ знаетъ, что я ни по какимъ бумагамъ ни-

чего не умѣю сдѣлать... Вы научите ужъ меня, пожалуста.

Вильгельмина Ѳедоровна.

Да я сама хорошенько не знаю какъ это дѣлается; но Владиміръ Иванычъ, если вы позволите, сегодня заѣдетъ къ вамъ и поучить васъ.

Марья Сергѣевна.

Ахъ, пожалуста!.. Я несказанно буду рада ему; но только я напередъ позову къ себѣ Алексѣя Николаича и выпрошу у него все!.. Можетъ быть на него тутъ и клеветцуютъ?

Вильгельмина Ѳедоровна.

Только вы, Бога ради, не проговоритесь какънибудь ему, что мы съ Владиміромъ Иванычемъ принимаемъ въ этомъ участіе!.. Вы можете вооружить его противъ насъ навѣки; а онъ все таки теперь начальникъ мужа!

Марья Сергѣевна.

Понимаю я это, милушка, будто этого я не понимаю! Скажу, что въ газетахъ прочла.

Вильгельмина Ѳедоровна.

И что газету не я вамъ привезла, а что вы ее купили.

Марья Сергѣевна.

Конечно!.. понимаю!

Вильгельмина Федоровна.

А потомъ, если насчетъ женитьбы Алексѣй Николаичъ станетъ запираяться, то вы потребуйте отъ него, чтобы онъ на васъ женился — это будетъ самымъ вѣрнымъ доказательствомъ, тѣмъ больше что онъ долженъ же когда нибудь это сдѣлать!

Марья Сергѣевна (*обрадованная этимъ совѣтомъ*).

Какъ же не долженъ?.. Непремѣнно долженъ!..

Вильгельмина Федоровна.

А теперь пока: adieu!.. Я поѣду сказать Владиміру Иванычу, чтобы онъ пріѣхалъ къ вамъ.

Марья Сергѣевна.

Да, да!.. Чтобъ пріѣхалъ!..

(*Обѣ дамы цалуются и Вильгельмина Федоровна уходитъ*).

Явленіе II

Марья Сергѣевна (*оставшись одна и беря себя за голову*).

Такъ разстроилась этимъ извѣстіемъ, что, пожалуй, не въ состояніи буду и сообразить, что написать Алексѣю Николаичу (*садится къ письменному столу и, начиная писать, произноситъ то, что пишетъ*). «Я прочла въ газетахъ, что вы женитесь на другой. Пріѣзжайте сейчасъ же ко мнѣ оправдаться въ томъ. Если вы не пріѣдете, то я напечатаю въ газетахъ всѣ ваши письма ко мнѣ, въ которыхъ вы клялись меня вѣчно любить и гдѣ просили меня хранить ваши триста тысячъ, которыя вы получили въ моемъ домѣ и это показываетъ до чего вы прежде были откровенны со мной»... (*останавливаясь писать*). Ну, вотъ и все, слава Богу – теперь только фамилію подпишу... (*макаетъ перо въ чернильницу и хочетъ продолжать писать; но дѣлаетъ огромное чернильное пятно на письмѣ и восклицаетъ испуганнымъ голосомъ*). Вотъ тебѣ и разъ! (*слизываетъ чернильное пятно и вмѣстѣ съ тѣмъ смарываетъ са-*

мое письмо и мараетъ себѣ носъ чернилами).
Ну, все письмо испортила!. Господи, что я за несчастное существо въ мірѣ! Во всемъ то мнѣ въ жизни неудачи! Больше писать не въ состояніи; отправлю какъ есть (*кое-какъ складываетъ письмо и кричитъ*). Даша!

Явленіе III

Входитъ Даша.

Марья Сергѣевна (*ей*).

Отнеси поскорѣй это письмо Алексѣю Николаичу (*отдаетъ Дашѣ письмо*).

Даша.

Слушаю-съ! (*уходитъ*).

Явленіе IV

Марья Сергѣевна *(одна и начиная плакать)*

Ужъ именно несчастное существо!.. Больше двухъ лѣтъ какъ Алексѣй Николаичъ заѣдетъ ко мнѣ на какіе нибудь полчаса, никогда не посидитъ, ничего не расскажетъ; а теперь и совсѣмъ бросить хочетъ!.. Что я буду дѣлать съ собой? Мнѣ скоро жить даже не на что будетъ; все прожила съ нимъ!.. Не къ роднымъ же мнѣ идти на хлѣба. Меня никто изъ нихъ и знать не хочетъ, а все изъ за него; долженъ онъ все это понять и хотъ сколько нибудь оцѣнить! Вильгельмина Ѳедоровна совершенно справедливо говоритъ, что ему надобно жениться на мнѣ!.. *(продолжаетъ плакать)*.

Явленіе V

Входитъ Даша.
Даша.

Алексѣй Николаичъ сейчасъ придутъ къ вамъ.

Марья Сергѣевна (*утирая слезы*).

Хорошо!

(*Даша уходитъ*).

Явленіе VI

Марья Сергѣевна (*повеселѣвъ нѣсколько*).

Испугался, видно, немножко!.. Теперь я знаю какъ держать себя съ нимъ!.. Спасибо Вильгельминѣ Ѳедоровнѣ, что она научила меня насчетъ газетъ!.. Я теперь все буду печатать въ газетахъ, что онъ противъ меня ни сдѣлаеть.

Явленіе VII

Входитъ Андашевскій, господинъ съ рыжею, типическою чиновничьей фізіономіей; глаза его горятъ гнѣвомъ; но ротъ его улыбается и видно, что все его стараніе направлено на то, чтобы сохранить спокойный вид и скрыть волнующую его эмоцію.

Андашевскій *(подавая Марьѣ Сергѣевнѣ руку и сядясь вблизи ея).*

Что это за странное письмо вы ко мнѣ написали?

Марья Сергѣевна.

Какъ же мнѣ не написать было тебѣ писѣма!.. Ты посмотри, что про тебя самого пишутъ въ газетахъ *(подаетъ ему газету).*

Андашевскій *(беря газету и тихо откладывая ее въ сторону).*

Знаю это я, читальъ; но почему-жѣ вы думаете, что это про меня писано?

Марья Сергѣевна.

Потому что тутъ пишутъ, какъ къ тебѣ на квартиру ко мнѣ приходили акціонеры, какъ ты получилъ съ нихъ триста тысячъ и даль мнѣ ихъ убрать.

Андашевскій (*насилъственно смѣясь*).

Но тоже самое могло случиться съ тысячью другихъ людей; а потому я никакъ не могу принять это прямо на свой счетъ.

Марья Сергѣевна.

А кто же, по твоему, эта дама, передъ которой ты стоишь на колъняхъ.

Андашевскій.

Этого тоже я никакъ уже не знаю.

Марья Сергѣевна.

А я знаю!.. Это дочь графа, Ольга Петровна Басаева, на которой ты женишься.

Андашевскій (*замѣтно сконфуженный*).

Дѣлаетъ честь твоей прозорливости.

Марья Сергѣевна.

Пора ужъ быть прозорливой! Не все оставаться слѣпой.

Андашевскій (*пристально взглядывая ей въ лицо*).

Мнѣ интереснѣе всего знать, кто прислалъ тебѣ эту газету.

Марья Сергѣевна.

Никто, я сама ее купила!

Андашевскій.

Купить ты никакъ ее не могла, потому что

какимъ же образомъ ты именно купила тотъ номеръ, гдѣ, по твоему мнѣнію, напечатано обо мнѣ, — стало быть все таки сказалъ же тебѣ кто нибудь объ этомъ!.. Кто тебѣ это сказалъ?

Марья Сергѣевна (*опѣшенная этимъ вопросомъ*).

Я не скажу тебѣ кто мнѣ сказалъ.

Андашевскій.

Все равно, я послѣ узнаю!

Марья Сергѣевна.

Ни за что!.. Никогда ты этого не узнаешь!..

И, пожалуста, не отклоняйся въ сторону отъ разговора и отвѣчай мнѣ на мой вопросъ: женишься ты на Ольгѣ Петровнѣ или нѣтъ?

(*Андашевскій на это только усмѣхается; но ничего не говоритъ*).

Марья Сергѣевна (*не отставая отъ него*).

Женишься или нѣтъ?

Андашевскій (*довольно протяжно и потупля въ землю свои глаза*).

Нѣтъ, не женюсь.

Марья Сергѣевна.

А ты думаешь, что я такъ сейчасъ твоимъ словамъ и повѣрила!.. Ты мнѣ долженъ дока-

зять это!

Андашевскій.

Но чѣмъ-же я могу тебѣ это доказать?

Марья Сергѣевна.

Тѣмъ что женись на мнѣ! Ты давно бы долженъ былъ сдѣлать это!

Андашевскій (*захохотавъ уже искреннимъ смѣхомъ*).

Что за безуміе выдумала!

Марья Сергѣевна.

Отчего же безуміе?.. Тутъ ничего нѣтъ такого страннаго и смѣшнаго.

Андашевскій.

Да какъ же не смѣшно! сколько лѣтъ жили, и вдругъ ей пришло въ голову, чтобы я женился на ней.

Марья Сергѣевна.

Мужъ мой только прошлаго года померъ; раньше и нельзя было; а теперь я непременно требую, чтобы ты женился на мнѣ.

Андашевскій.

Нѣтъ, я не могу на тебѣ жениться!

Марья Сергѣевна.

Почему же не можешь?

Андашевскій.

Потому что ни моя служба, ни мое положеніе въ свѣтъ, ничто мнѣ не позволяетъ того.

Марья Сергѣевна (*очень окорбленная послѣдними словами*).

А, такъ это значить я унижу васъ; но только вы ошибаетесь, кажется, въ этомъ случаѣ!.. Ты хоть и чиновенъ; но отецъ твой все-таки былъ пьяный приказный, а мой отецъ генераль-лейтенантъ! братья мои тоже генераль-маіоры! Ты вонъ по французски до сихъ поръ дурно произносишь и на старости лѣтъ долженъ учиться у француза; а я по французски лучше говорю, чѣмъ по русски, и потому воспитаніемъ моимъ тоже не унижу тебя!

Андашевскій (*въ свою очередь тоже вспыхнувшій отъ послѣднихъ словъ Марьи Сергѣевны*).

Тутъ не объ униженіи говорятъ, а то, что, женясь на тебѣ, я при моемъ высокомъ постѣ не буду имѣть жить на что!.. Я слишкомъ бѣденъ, чтобы вести жизнь женатаго человека.

Марья Сергѣевна (*крайне удивленная эти-*

ми словами).

Какъ ты бѣденъ?.. Ты жалованье огромное получаешь и кромѣ того у меня въ домѣ получилъ триста тысячъ капиталу – бѣдный какой!..

Андашевскій (*еще болѣе покраснѣвъ*).

Послушай, ты наконецъ выведешь меня изъ терпѣнія этими тремя стами тысячъ! Ты говоришь объ нихъ на каждомъ шагу и сдѣлалъ то, что объ этомъ всѣ газеты теперь трубятъ!.. Понимаешь ли ты, какое зло мнѣ можешь принести этимъ; а между тѣмъ это были казенныя деньги, которыя я случайно получилъ у тебя на квартирѣ.

Марья Сергѣевна.

Ахъ, Боже мой, скажите, пожалуйста, какую дуру нашель, въ чемъ завѣрить хочеть! Зачѣмъ же ты въ запискѣ своей, которую прислалъ мнѣ объ этихъ деньгахъ, прямо просилъ меня, чтобы я поберегла твои деньги?.. Казенныя деньги ты не сталъ бы называть твоими.

Андашевскій.

Въ запискѣ къ тебѣ я и казенныя деньги могъ назвать своими!.. Это не официальная

бумага!.. Но гдѣ-жѣ у тебя эта записка?.. развѣ
цѣла еще она?

Марья Сергѣевна.

Цѣла и спрятана!

Андашевскій.

Отдай мнѣ ее сейчасъ-же!

Марья Сергѣевна.

Нѣтъ, не отдамъ.

Андашевскій (*удивленный и взбешенный*).

Какъ же не отдашь?.. Ты не имѣешь права
не отдать мнѣ ее, потому что она у тебя мо-
жетъ быть украдена; ты можешь умереть од-
новременно, и ее опишутъ вмѣстѣ съ другими ве-
щами, а я со всѣхъ сторонъ окруженъ врага-
ми и шпионами, которые изо всего готовы
сдѣлать на меня обвиненіе.

Марья Сергѣевна.

Зачѣмъ-же мнѣ умирать? Ты вѣроятно же-
лаешь этого, а я нѣтъ!.. Украсть у меня этой
записки тоже никто не украдетъ: я ее далеко
берегу!

Андашевскій (*показывая на шифоньерку*).

Въ этой шифоньеркѣ, конечно?

Марья Сергѣевна.

Нѣтъ, подальше!

Андашевскій.

Никакъ ужъ не подальше!.. Гдѣ у васъ ключи отъ нея?

Марья Сергѣевна.

Ключи потеряны! *(при этомъ она поспѣшно закрываетъ руками одну изъ подушекъ своихъ).*

Андашевскій.

Вотъ они, видно, гдѣ! *(засовываетъ руку подъ ту же подушку).*

Марья Сергѣевна *(кричитъ).*

Не дамъ я вамъ ключи!

Андашевскій *(весь красный).*

Нѣтъ, дадите!.. *(вытаскиваетъ изъ подъ подушки руку Марьи Сергѣевны, въ которой она держитъ ключи, и начинаетъ отнимать ихъ у нея).*

Марья Сергѣевна *(кричитъ на всю квартиру).*

Не дамъ, – пустите!

Андашевскій *(тихимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ бѣшеннымъ голосомъ).*

Если ты мнѣ сейчасъ-же не отдашь ключей и не возвратишь записки, я убью тебя, – слышишь!

(Въ это время раздаётся довольно сильный звонокъ, Андашевскій тотчасъ-же оставляетъ руку Марьи Сергѣевны, которая, въ свою очередь, убѣгаетъ въ соседнюю комнату и кричитъ оттуда):

Я не отдамъ вамъ вашей записки!.. Я напечатаю ее!

Явленіе VIII

Андашевскій *(одинъ и замѣтно сконфу- женнымъ тономъ).*

Какую величайшую неосторожность сдѣлалъ тогда, что посвятилъ эту дуру въ мою тайну!.. Въ голову совершенно не пришло, что я долженъ съ ней непременно буду поссориться; а между тѣмъ у себя на казенной квартирѣ не ловко было принять этихъ господъ!.. Ее непременно кто нибудь тутъ учитъ и поддуваетъ, а то она по своей безтолковости и безпамятливости давно бы все забыла... *(Подумавъ немного).* Дѣлать нечего, надобно ѣхать къ Ольгѣ Петровнѣ, признаться ей во всемъ и посовѣтоваться съ нею.

(Входитъ Даша).

Андашевскій *(ей).*

Кто это звониль?

Даша.

Владиміръ Иванычъ Вуландъ.

Андашевскій.

А, понимаю теперь откуда все это идетъ!..

Проводи меня чернымъ ходомъ.

Даша.

Пожалуйте-сь! *(уводитъ Андашевскаго).*

Явленіе IX

Изъ дверей въ зало входитъ Владимиръ Иванычъ Вуландъ.

Владиміръ Иванычъ.

Господинъ Андашевскій, кажется, изволилъ здѣсь быть!.. Посмотримъ, посмотримъ какая это записочка его!.. *(потираетъ съ удовольствіемъ руки).*

Явленіе X

Входитъ Марья Сергѣевна, сильно разстроенная.

Марья Сергѣевна.

Здравствуйте, Владиміръ Иванычъ!

Владиміръ Иванычъ.

Что это вы больны изволите быть и какъ будто-бы чѣмъ-то разстроены?

Марья Сергѣевна.

И больна, и разстроена!.. У меня былъ сейчасъ Алексѣй Николаичъ.

Владиміръ Иванычъ (*склоняя голову*).

Былъ, значить; пріѣзжалъ!

Марья Сергѣевна.

Пріѣзжалъ, и то себѣ позволилъ, что я понять не могу: я спросила его, что правда-ли, что онъ женится на Ольгѣ Петровнѣ Басаевой. Онъ запирается. Тогда я, какъ Вильгельмина Ѳедоровна мнѣ совѣтовала, сказала ему, чтобы онъ на мнѣ женился... Боже мой, взбѣсилъ, вышелъ изъ себя и сталъ мнѣ доказывать, что онъ не можетъ на мнѣ жениться, потому что бѣдень и что даже тѣ триста тысячъ, которыя онъ получилъ при мнѣ, не

его, будто-бы, деньги, а казенныя.

Владиміръ Иванычъ (*восклищаетъ въ удивленіи*).

Какъ казенныя?

Марья Сергѣевна (*насмѣшливо*).

Казенныя ужъ стали.

Владиміръ Иванычъ.

Казенныя, такъ въ казну и должны были бы поступить. Какъ же онѣ у него могли очутиться.

Марья Сергѣевна.

Ну, вотъ, подите!.. Я говорю ему: «Ты самъ въ запискѣ своей ко мнѣ называлъ ихъ своими деньгами.»

Владиміръ Иванычъ.

Слышалъ я отъ жены объ этой запискѣ, и собственно за тѣмъ пріѣхалъ, чтобы взглянуть на эту записку... Позвольте мнѣ ее видѣть!

Марья Сергѣевна.

Сейчасъ, сію секунду! (*подходитъ къ шифоньеркѣ, отпираетъ ее и, вынувъ оттуда цѣлый пукъ писемъ и записочекъ, подаетъ его Владиміру Иванычу*). Она тутъ должна быть гдѣнибудь!

Владиміръ Иванычъ (*перебирая письма и просматривая ихъ*).

Вижу-съ!.. Найду! (*останавливается на одной запискѣ*). Вотъ она – и записка очень важная.

Марья Сергѣевна.

Должно быть очень важная; потому что какъ только я напомнила ему объ ней, онъ сейчасъ же сталъ требовать ее себѣ; но я не дура: прямо сказала, что не дамъ ему этой записки... Тогда онъ, вообразите, силой рѣшился взять ее.

Владиміръ Иванычъ (*опять въ удивленіи*).
Силой.

Марья Сергѣевна.

Да, бросился къ ключамъ отъ шифоньерки, такъ что я едва успѣла ихъ взять въ руку, тогда онъ схватилъ мою руку и началъ ломать ее.

Владиміръ Иванычъ (*качая головою*).

Скажите, пожалуйста!

Марья Сергѣевна.

Всю руку мнѣ изломалъ!.. Я не знаю какъ у меня достало силы не выпустить ключей!.. Ломаетъ мнѣ руку, а самъ мнѣ шепчетъ: «я те-

бя убью, убью, если ты не отдашь мнѣ записки!..» И я теперь въ самомъ дѣлѣ боюсь, что онъ убьетъ меня.

Владиміръ Иванычъ.

О, полноте, Господь съ вами!

Марья Сергѣевна.

Нѣтъ, вы его не знаете! Онъ злоецъ ужасный: я всѣ ночи теперь не буду спать и ожидать, что онъ ворвется ко мнѣ въ квартиру и убьетъ меня!

Владиміръ Иванычъ.

Если вы его ужъ такъ боитесь, такъ уѣзжайте куданибудь на время изъ Петербурга, а записочку эту передайте мнѣ съ письмомъ отъ себя, въ которомъ опишите все, что мнѣ теперь говорили, и просите меня, чтобы я эту записку и самое письмо представилъ графу, какъ единственному въ этомъ случаѣ защитнику вашему.

Марья Сергѣевна.

Что-жъ графъ сдѣлаетъ ему за это?

Владиміръ Иванычъ.

О, графъ многое можетъ сдѣлать ему: во-первыхъ, видя изъ вашего письма, какъ безчестно этотъ человекъ поступилъ уже въ

отношеніи одной женщины, онъ, конечно, не пожелаетъ выдать за него дочь, да и сама Ольга Петровна вѣроятно не рѣшится на это.

Марья Сергѣевна (*появѣ*).

Это такъ!.. Да!..

Владиміръ Иванычъ.

А по случаю трехсотъ тысячъ и записки, которую Алексѣй Николаичъ писалъ къ вамъ объ нихъ, графъ, полагаю, посоветуетъ ему жениться на васъ, такъ какъ вы владѣете весьма серьезною его тайною.

Марья Сергѣевна.

Ахъ, я очень бы этого желала, потому что я до сихъ поръ ужасно еще люблю его, да и привыкла къ нему – сами посудите!

Владиміръ Иванычъ.

Вѣроятно такъ это и будетъ, и мы мѣсяца черезъ три назовемъ васъ «madame Андашевскою».

Марья Сергѣевна.

Благодарю васъ за ваше доброе желаніе.

Владиміръ Иванычъ.

Записочку эту вы позволите, значитъ, мнѣ взять съ собою! (*кладетъ записку себѣ въ карманъ*). А письмецо отъ себя, какъ я вамъ гово-

рилъ, вы потомъ пришлете!

Марья Сергѣевна.

Непремѣнно пришло! Только я хоть и больна теперь, но завтра же уѣду изъ Петербурга – я ужасно боюсь здѣсь оставаться!

Владиміръ Иванычъ.

Это какъ вамъ угодно!.. Конечно, если ѣхать, такъ чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше! Главное, не забудьте письмецо-то ко мнѣ написать и прислать!

Марья Сергѣевна.

Никакъ не забуду!

(Владиміръ Иванычъ цалуетъ у нея руку, а она его въ лобъ, и затѣмъ Вуландъ уходитъ).

Явленіе XI

Марья Сергѣевна (*оставшись одна и видя-
мо повѣрившая всѣмъ словамъ Вуланда*).

Какъ только я сдѣлаюсь женою Алексѣя Николаича, такъ непременно стану покровительствовать Вуланду!.. Онъ и жена его такое участіе показали мнѣ въ теперешнемъ моемъ непріятномъ положеніи, что, ей Богу, рѣдко встрѣтишь подобное отъ самыхъ близкихъ родныхъ!

(Занавѣсъ опускается).

Конецъ втораго дѣйствія.

«Гражданин», Но 9, 1873

Дѣйствіе третье

Огромная и красивая дача, большая тераса которой, увитая плющемъ и задрапированная полотномъ, выходитъ въ садъ, простирающійся до самаго взморья. На горизонтѣ виднѣется заходящее солнце.

Явленіе I

На одномъ концѣ терасы сидитъ графъ Зыровъ, съдой уже старикъ, съ энергическимъ и выразительнымъ лицомъ, съ гордой осанкой и съ нѣсколько презрительной усмѣшкой; привычка повелѣвать какъ бы невольно высказывалась въ каждомъ его движеніи. Одѣтъ онъ былъ довольно моложаво, въ коротенькомъ пиджакѣ и съ однимъ только болтающимся солдатскимъ Георгіемъ въ петличкѣ. На другомъ концѣ терасы помѣщалась дочь графа, Ольга Петровна Басаева, молодая вдова, съ нѣсколько сухой, черствой красотой; но, какъ видно, очень умная и смѣлая. Костюмъ ея отличался безукоризненнымъ вкусомъ и былъ самой

послѣдней моды.

Ольга Петровна (*замѣтно горячась*).

Этотъ князь Янтарный, папа, или, какъ ты очень мѣтко его называешь, азіатскій князь, на вечерѣ у madame Бобриной, на всю гостиную á pleine voix кричалъ: «Какъ это возможно: графъ Зыровъ на такое мѣсто, которое всегда занимали люди нашего круга, посадилъ никому неизвѣстнаго чиновника своего!» Я вышла наконецъ изъ себя и сказала: «Князь, пощадите!.. Вы забываете, что я дочь графа!» «Ахъ, pardon, madame, говоритъ, но я графа такъ люблю, такъ уважаю, что не могу не быть удивленнымъ послѣднимъ выборомъ его, который никакъ не могу ни понять, ни оправдать чѣмъ-либо...»

Графъ (*презрительно усмѣхаясь*)

Какъ же ему и понять мой выборъ, когда онъ самъ просился на это мѣсто.

Ольга Петровна.

Я это предчувствовала и даже кольнула его этимъ: «нельзя, говорю, князь, требовать, чтобы всѣ назначенія дѣлались по нашему вкусу. Мало-ли чего человекъ желаетъ, но не всегда того достигаетъ!» Его немножко пере-

дернуло. «Англійская, говоритъ, аристократія никогда не позволяетъ себѣ открывать такой легкой доступъ новымъ людямъ въ свою среду!» «Позвольте, говорю, а Робертъ Пиль и Д'Израели?» «Робертъ Пиль и Д'Израели и г. Андашевскій двѣ вещи разныя: то люди геніальные!»

Графъ (*съ прежней презрительной усмѣшкой*).

А можетъ быть, и Андашевскій человекъ геніальный! Почему они знаютъ его? Они его совершенно не вѣдаютъ.

Ольга Петровна.

Они нисколько и не заботятся узнать его; а говорятъ только, что это человекъ не ихъ общества, и этого для нихъ довольно.

Графъ (*вспыливъ наконецъ*).

Что-жъ мнѣ за дѣло до ихъ общества!.. Я его и знать не хочу – всякій дѣлаетъ какъ ему самому лучше: у меня собственно два достойныхъ кандидата было на это мѣсто: Вуландъ и Андашевскій – первый безспорно очень умный, опытный, но грубый, упрямый и по временамъ пьяный нѣмецъ; а другой хоть и молодой еще почти человекъ; но уже знающій,

работающій, съ прекраснымъ сердцемъ и наконецъ мнѣ лично преданный.

Ольга Петровна (*съ нѣкоторой краской въ лицѣ*).

Тебѣ онъ, папа, преданъ и любитъ тебя больше чѣмъ сынъ родной.

Графъ.

Это я знаю и многія доказательства имѣю на то! Неужели же при всѣхъ этихъ условіяхъ не предпочесть мнѣ было его всѣмъ?

Ольга Петровна.

Объ этомъ, папа, и рѣчи не можетъ быть!.. Иначе это было-бы величайшей несправедливостью съ твоей стороны, что я и сказала князю Янтарному: «если, говорю, графъ въ выборѣ себѣ хорошаго помощника проманкировалъ своими дружественными отношеніями, то это только дѣлаетъ честь его безпристрастію!» «Да-съ, говоритъ, но если всѣ мы будемъ такимъ образомъ поступать, то явно покажемъ, что въ нашемъ кругу нѣтъ людей способныхъ къ чѣму либо болѣе серьезному.»

Графъ.

И дѣйствительно нѣтъ!.. хоть-бы взять съ

той-же молодежи: развѣ можно ее сравнить съ прежней молодежью?.. Между нами всегда было, кромѣ ужъ желанія трудиться, работать, нѣкотораго рода рыцарство и благородство въ характерахъ; а теперь вотъ они въ театрѣ накричатъ и набуянятъ и вмѣсто того, чтобы за это бросить, заплатить тысячи двѣ, три, они лучше хотятъ идти къ мировому судѣ подѣ судѣ – это грошевики какіе-то и алтынники!

Ольга Петровна.

Все это, можетъ быть, справедливо; но тутъ досадно, папа, то, что, какъ видно, всѣ, старые и молодые, раздѣляютъ мнѣніе князя Янтарнаго, потому что я очень хорошо знаю Янтарнаго: онъ слишкомъ большой трусъ, чтобы позволить себѣ въ такомъ многочисленномъ обществѣ такъ рѣзко выразить свое мнѣніе, если-бы онъ ожидалъ себѣ встрѣтить возраженіе, напротивъ: одни поддерживали его небольшими фразами, другіе ободряли взглядами; наконецъ, которые и молчали, то можно навѣрное поручиться, что они думали тоже самое.

Графъ.

И пусть себѣ думаютъ что хотятъ! Я на болтовню этихъ господъ никогда не обращалъ никакого вниманія и обращать не буду.

Ольга Петровна.

Ты этого не говори, папа!.. Крикъ этихъ господъ для тебя и Андашевскаго гораздо опаснѣе, чѣмъ чтонибудь другое, а тѣмъ больше, что къ этому присоединилась опять какая-то статья въ газетахъ.

Графъ (*нахмуривая брови*).

Опять статья?

Ольга Петровна.

Опять!.. Очень рѣзкая, говорятъ, и прозрачная. Ты бы, папа, какіянибудь мѣры принялъ противъ этого.

Графъ (*пожимая плечами*).

Какія же я могу принять мѣры?.. (*насмѣшливо*). Нынче у насъ свобода слова и печати!.. (*встаетъ и начинаетъ ходить по террасѣ*). Нечего сказать, — славное время переживаемъ: всѣмъ негодьямъ даны всевозможныя льготы и права, а всѣ порядочные люди связаны по рукамъ и по ногамъ!.. (*Прищуривается и смотритъ въ одну изъ боковыхъ аллей сада*). Что это за человѣкъ ходитъ у насъ

по парку?

Ольга Петровна.

Это должно быть Мямлинъ!.. Я ему говорила чтобы онъ прїѣхалъ къ тебѣ! Вообрази на этомъ вечерѣ у madame Бобриной онъ одинъ заступался за тебя и очень умно, по моему, доказывалъ, что нынче всѣ службы сдѣлались такъ трудны, такъ требуютъ отъ служащихъ многого, что мѣста можно давать только людямъ совершенно къ тому приготовленнымъ.

Графъ (*съ презрительной усмѣшкой*).

Это вѣроятно онъ себя считаетъ совершенно приготовленнымъ на освободившееся мѣсто Андашевскаго!

Ольга Петровна (*стремительно*).

И ты, папа, опредѣли его – непременно!

Графъ (*съ удивленіемъ взглядывая на дочь*)

Что ты такое говоришь?.. Шутишь, что-ли?

Ольга Петровна.

Нѣтъ, не шучу, и я тебѣ сейчасъ объясню, почему я такъ говорю: ты вспомни, что Мямлинъ родной племянникъ князя Михайла Семеныча и когда ты опредѣлишь его къ себѣ, то самому князю и всему его антуражу будетъ

это очень приятно и дать тебѣ отличный противувѣсь противъ всѣхъ сплетенъ и толковъ у madame Бобриной, которыми, опять я тебѣ повторяю, вовсе не слѣдуетъ пренебрегать.

(Графъ грустно усмѣхается).

Ольга Петровна.

Ты повѣрь, папа, женскому уму: онъ въ этихъ случаяхъ бываетъ иногда дальновиднѣе мужскаго.

Графъ.

Но какимъ же образомъ дать Мямлину какое-бы то ни было серьезное мѣсто, когда его корчитъ и кобянитъ почти каждоминутно?

Ольга Петровна.

Это, папа, болѣзнь, а не порокъ; но что Мямлинъ умень, въ этомъ я убѣдилась въ послѣдній разъ, когда онъ такъ логично и послѣдовательно отстаивалъ тебя.

(Графъ отрицательно качаетъ головой).

Ольга Петровна.

Ты, папа, не можешь судить объ его умѣ; потому что, какъ самъ мнѣ Мямлинъ признавался, онъ такъ боится твоего суроваго виду, что съ нимъ сейчасъ же дѣлается припадокъ

его болѣзни, и онъ не въ состоянїи высказать тебѣ ни одной своей мысли.

Графъ (*усмѣхаясь*).

Какія у него мысли?.. У него никогда, я думаю, не бывало въ головѣ ни одной своей собственной мысли.

Ольга Петровна.

Даже, папа, если-бы и такъ то было, то я все-таки прошу тебя опредѣлить его; если не для него – такъ для меня это сдѣлай.

Графъ.

Но почему-жъ тебѣ такъ желается этого?

Ольга Петровна.

Желается, папа, потому что это будетъ полезно для тебя и наконецъ нужно для меня самой.

Графъ (*пожимая плечами*).

Не понимаю, почему это тебѣ можетъ быть нужно!.. Во всякомъ случаѣ я долженъ объ этомъ прежде поговорить и посоветоваться съ Андашевскимъ.

Ольга Петровна.

Съ Андашевскимъ я уже говорила: онъ самъ этого желаетъ и сію минуту вѣроятно прїдетъ просить тебя о томъ же.

Графъ (*взглядывая пристально на дочь*).

Гдѣ-жѣ ты видѣла Андашевскаго?

Ольга Петровна.

Онѣ вчера вечерѣ сидѣлъ у меня.

Графъ.

Стало быть, онѣ бываетъ у тебя довольно часто?

Ольга Петровна

Бываетъ!.. Позволь мнѣ позвать къ тебѣ Мямлина и обѣщай ему это мѣсто! *soyez si bon, cher père!* (*подходитъ и начинаетъ ласкаться къ отцу*). Я позову его, папа?.. Да?

Графъ (*пожимая плечами*).

Позови, пожалуй!..

Ольга Петровна.

Вотъ за это мерсі, рара! (*цалуетъ отца въ лобъ и сбѣгаетъ съ лѣстницы*).

Явленіе II

Графъ *(смотря вслѣдъ дочери).*

Умная женщина – Ольга! Какъ она все это скоро и хорошо поняла!.. Тяжелая вещь служба... вотъ ужъ по пословицѣ: нѣхотя скачешь и нѣхотя пляшешь! Но что однако это значить, что Ольга въ послѣднее время до такой степени сблизилась съ Андашевскимъ, что отъ малѣйшихъ даже неблагопріятныхъ слуховъ для него выходитъ изъ себя?.. Дружба ли это, или болѣе нѣжное чувство?.. Во всякомъ случаѣ я весьма бы не желалъ, чтобы изъ этого произошло что-нибудь серьезное, потому что какой-бы по личнымъ качествамъ своимъ этотъ господинъ ни былъ, но все-таки онъ *parvenu* и хамъ по своему происхожденію.

Явленіе III

(Входитъ Ольга Петровна, ведя за собой Мямлина).

Ольга Петровна (Мямлину).

Графъ здѣсь!.. Я просила его за васъ, сколько только могла.

Графъ (довольно пріѣтливо протягивая Мямлину руку).

Здравствуйте!.. Вы, какъ я слышалъ, желаете получить бывшее мѣсто Алексѣя Николаича.

Мямлинъ (дѣлая надъ собою страшное усилие, чтобы не начать гримасничать).

Очень желаю, ваше сіятельство.

Графъ.

Но совладаете-ли вы съ нимъ? Это мѣсто очень трудное и отвѣтственное.

Мямлинъ (рѣшительнымъ тономъ).

Совладаю, ваше сіятельство! Я совершенно готовъ на это мѣсто.

Графъ.

Ну, смотрите: я васъ назначу, только ужъ на себя послѣ пеняйте, если что́ будетъ выходить между нами.

Мямлинъ (*обезумѣвшимъ отъ радости голосомъ*).

Благодарю васъ, ваше сіятельство!..

Графъ.

Ну, а теперь садитесь и успокойтесь.

(Всѣ садятся. Лицо Мямлина начинаетъ мало по малу принимать болѣе спокойное выраженіе).

Ольга Петровна (*обращаясь къ нему*).

А какой мы милый споръ съ вами выдержали на вечерѣ у madame Бобриной.

Мямлинъ (*пожимая плечами*).

Это невѣроятно!. Это непостижимо!.. Требу-
ють чтобы на всѣ должности назначались
ихъ знакомые, на томъ только основаніи, что
они люди хорошихъ фамилій; но, Боже мой, я
самъ ношу одну изъ древнѣйшихъ дворян-
скихъ фамилій; однако помыслить никогда
не смѣлъ получить то мѣсто, которое занялъ
теперь Алексѣй Николаичъ, сознавая, что онъ
ученѣй меня, способнѣе и однимъ только
трудолюбіемъ и добросовѣстнымъ
исполненіемъ своихъ обязанностей я могу
равняться съ нимъ, и въ настоящее время за
величайшую честь для себя и милость со сто-

роны графа считаю то, что онъ предложилъ мнѣ прежнее мѣсто Алексѣя Николаича.

Ольга Петровна.

Князь Янтарный, видно, не такъ добросовѣстенъ, какъ вы, и больше объ себѣ думаетъ.

Мямлинъ.

Что человѣкъ думаетъ объ себѣ больше чѣмъ онъ, можетъ быть, заслуживаетъ, — это еще извинительно; но высказывать это такъ прямо и открыто, по моему, дерзость!.. Въ этомъ случаѣ надобно вспомнить объ Европѣ и объ ея общественномъ мнѣніи: не дальше какъ прошлымъ лѣтомъ, я, бывши въ Эмсѣ на водахъ, читалъ постоянно одну сатирическую газету и вы представить себѣ не можете, какъ смѣются тамъ надъ нами русскими!.. Словомъ, языкъ мой не поворачивается повторить тѣхъ дерзостей и насмѣшекъ, которыя тамъ про насъ пишутъ, и что теперь заговорятъ подобныя газетки объ Россіи, если въ ней еще устроится порядокъ, котораго желаютъ друзья madame Бобриной!

Ольга Петровна.

Они, я думаю, очень мало заботятся объ

Россіи: было бы имъ хорошо.

Мямлинъ.

Да-съ, но въ тоже время это показываетъ, что они совершенно не понимаютъ духа времени: я, по моей болѣзни, изъѣздивъ всю Европу, сталкивался съ разными слоями общества и долженъ сказать, что весьма часто встрѣчалъ взгляды и понятія, которыя прежде были немыслимы: на примѣръ-съ, еще наши отцы и дяди считали за величайшее несчастіе для себя, когда кто изъ членовъ семейства женился на какой нибудь актрисѣ, цыганкѣ и тѣмъ болѣе на своей крѣпостной; а нынче наоборотъ: одинъ англійскій врачъ, и очень ученый врачъ, меня пользовавшій, узнавъ мое общественное положеніе, съ первыхъ же словъ спросилъ меня, что нѣтъ ли у русской аристократіи обыкновенія жениться въ близкомъ родствѣ? Этотъ вопросъ точно молнія освѣтилъ мою голову! Я припомнилъ, что дѣйствительно отецъ мой былъ женатъ на троюродной сестрѣ, дѣдъ врядъ ли не на двоюродной, и что еще при Іоаннѣ Грозномъ одинъ изъ моихъ предковъ женился на такой близкой роднѣ, что патріархъ даже

разгнѣвался!.. Рассказываю я ему все это. «Вотъ, говоритъ, гдѣ причина вашей болѣзни: въ вашемъ родѣ не обновлялась кровь никакими другими элементами. Женитесь-съ, говоритъ, непременно надобно на женщинахъ другаго общества, иныхъ занятій, чужеземкахъ!» И въ доказательство тому привелъ довольно скабрѣзный примѣръ!..

Ольга Петровна.

Какой же это?

Мямлинъ.

О, при дамахъ неловко повторять!

Ольга Петровна.

Ничего, извольте говорить!

Мямлинъ (*конфузясь*).

Привелъ въ примѣръ... нашъ... Орловскій лошадиный заводъ, котораго все достоинство произошло отъ смѣси двухъ породъ: арабской и степной.

Ольга Петровна.

Сравненіе не совсѣмъ лестное; но можетъ быть и справедливое.

Мямлинъ.

Очень справедливое-съ! Я передавалъ его князю Михайлу Семенычу; оно тоже ему

очень понравилось.

Графъ (которому, видимо, наскучило слушать всѣ эти разсужденія Мямлина, обращаясь къ нему).

А скажите, вы рассказывали князю вашъ разговоръ и споръ на вечеръ у madame Бобринной?

Мямлинъ.

Отъ слова до слова-съ!..

Графъ.

Что же князь на это? Мнѣ очень любопытно это знать!

Мямлинъ.

Князь въ ражъ пришелъ, въ гнѣвъ: «Какъ, говоритъ, смѣютъ они судить такія вещи: я пошлю къ нимъ чиновника сказать, чтобы они замолчали».

Графъ.

Стало быть онъ нисколько не раздѣляетъ ихъ толковъ обо мнѣ.

Мямлинъ.

Нисколько-съ! Онъ всегда съ этимъ кружкомъ былъ немножко въ контрѣ; но теперь вотъ вы меня выбрали, а они кричатъ противъ васъ, это его еще больше возстановитъ

и за мое назначеніе онъ вѣроятно, самъ пріѣдетъ благодарить васъ.

Графъ.

Очень радъ буду его видѣть у себя.

(На этихъ словахъ Мямлинъ вдругъ понуриваетъ головой и начинаетъ гримасничать).

Графъ *(испугавшись даже нѣсколько).*

Что такое съ вами?

Мямлинъ.

Припадокъ опять начался... говорилъ много... взволновался нѣсколько... Позвольте мнѣ уйдти въ сторону.

Графъ.

Пожалуста!

(Мямлинъ отходитъ въ сторону и принимается какъ бы съ величайшимъ наслажденіемъ выдѣлывать изъ лица разнообразнѣйшія гримасы, третъ у себя за ухомъ, третъ носъ свой).

Графъ *(смотря на него).*

Какой несчастный!

Ольга Петровна *(вполголоса).*

Да; но согласись, папа, что онъ очень умный человѣкъ!

Графъ *(тоже вполголоса).*

Ничего себѣ: благѣрствовать можетъ!

Явленіе IV

Тѣже и лакей.

Лакей.

Алексѣй Николаичъ.

Графъ.

Говорилъ тебѣ, что принимать всегда безъ доклада.

Лакей.

Алексѣй Николаичъ самъ приказалъ доложить объ себѣ (*уходитъ*).

(*Мямлинъ, между тѣмъ, снова подходитъ къ графу*).

Графъ (*ему*).

Что вамъ лучше теперь?

Мямлинъ (*продолжая немного гримасничать*).

Прошло нѣсколько!

Явленіе V

Входитъ Андашевскій; видъ его совсѣмъ виной, чѣмъ былъ въ предыдущей сценѣ; онъ какъ будто бы даже ниже ростомъ показывалъ; выраженіе лица у него было кроткое, покорное и какъ бы нѣсколько печальное, Онъ со всѣми раскланивается.

Графъ.

Какъ вамъ не совѣстно, Алексѣй Николаичъ, вельтъ объ себѣ докладывать!

Андашевскій.

Но я полагаю, ваше сіятельство, что не заняты ли вы чѣмънибудь.

Графъ.

Вы никогда не можете помѣшать моимъ занятіямъ!.. А теперь я дѣйствительно занятъ былъ и извиняюсь только, что предварительно не посоветовался съ вами; я на прежнее мѣсто ваше назначилъ Дмитрія Дмитрича Мямлина!.. Не имѣете ли вы чтонибудь сказать противъ этого выбора?

Андашевскій (*почтительно склоняя передъ графомъ голову*).

Ваше сіятельство, въ выборѣ людей вы по-

казывали всегда такую прозорливость, что вамъ достаточно одинъ разъ взглянуть на человѣка, чтобы понять его; но Дмитрія Дмитрича вы такъ давно изволите знать, что въ немъ ужъ вы никакъ не могли ошибиться; я же съ своей стороны могу только душевно радоваться, что на мое мѣсто поступаетъ одинъ изъ добрѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей.

Мямлинъ *(со слезами на глазахъ)*.

А мнѣ позвольте васъ, графъ, и васъ, Алексѣй Николаичъ, благодарить этими оросившими мои глаза слезами, которыя, смѣю завѣрить васъ, слезы благодарности, да стану еще я за васъ молиться Богу, потому что въ этомъ отношеніи я извиняюсь: я не петербуржецъ, а москвичъ!.. Человѣкъ вѣрующій!.. Христіанинъ есть и православный!.. *(обращаясь къ Ольгѣ Петровнѣ)*. А вамъ, Ольга Петровна, могу высказать только одно: я считалъ васъ всегда ангеломъ земнымъ, а теперь вижу, что и не ошибся въ томъ; за васъ я и молиться не смѣю, потому, что вы вѣроятно угоднѣе меня Богу.

Графъ *(видимо опять соскучившійся слу-*

шать Мямлина и обращаясь къ Андашевскому).

Вы завтра же потрудитесь сказать, чтобы объ назначеніи господина Мямлина составили докладъ!

Андашевскій.

Очень хорошо-с!

Графъ.

А теперъ я желалъ бы остаться съ Алексѣемъ Николаичемъ наединѣ.

Мямлинъ (*почти струсивъ*).

Слушаю-съ!.. Слушаю-съ!.. (*торопливо раскланивается со всѣми общимъ поклономъ и проворно уходитъ, виляя своимъ задомъ*).

Ольга Петровна

Я тоже пойду и похожу по саду!.. Вы позовите меня, когда кончите (*уходитъ*).

Явленіе VI

Графъ и Андашевскій остаются на терасъ; а Ольга Петровна начинаетъ ходить около, въ весьма недалнемъ разстояніи отъ терасы.

Графъ.

Ольга мнѣ сказывала, что въ газетахъ опять появилась статья объ Калишинскомъ акціонерномъ обществѣ.

Андашевскій.

Даже двѣ-съ!.. Одна въ понедѣльничномъ номерѣ, а другая въ сегодняшнемъ.

Графъ.

И что же они въ общихъ чертахъ, намекахъ только говорятъ?

Андашевскій.

Въ понедѣльничной только въ намекахъ сказано; а въ нынѣшней я прямо по имени названъ какъ только возможно.

Графъ.

Это лучше наконецъ, что васъ назвали прямо по имени. Теперь вы можете начать судебное преслѣдованіе противъ автора этихъ статей – вы, конечно, знаете его?

Андашевскій.

Полагаю, что это одинъ изъ нашихъ чиновниковъ – Шуберскій, который прежде писалъ объ этомъ и даже признался мнѣ въ томъ.

Графъ.

Но отчего его тогда же не выгнали?

Андашевскій.

Изъ моей экспедиціи онъ тотчасъ послѣ того вышелъ; но его взялъ къ себѣ на службу Владиміръ Иванычъ Вуландъ.

Графъ.

Зачѣмъ же Вуландъ это сдѣлалъ?

Андашевскій.

Вѣроятно, чтобы досадить и повредить мнѣ!.. Даже настоящія статьи, какъ извѣстно мнѣ, писаны подъ диктовку господина Вуланда.

Графъ (удивленный).

Вуланда?

Андашевскій.

Самыя положительныя доказательства имѣю на то. Онъ и прежде всегда мнѣ завидовалъ, а теперь, по случаю назначенія моего, сдѣлался окончательно злѣйшимъ врагомъ моимъ.

Графъ (*сильно разсердясь*).

О, въ такомъ случаѣ я поговорю съ г. Вуландомъ серьезно! Я не люблю, чтобы подъ мои дѣйствія вели подкопы!.. Шуберскому сказать, чтобы онъ сейчасъ же подалъ въ отставку, а васъ я прошу начать судебное преслѣдованіе противъ него за клевету на васъ; потому что я желаю, чтобы вы публично и совершенно были оправданы въ общественномъ мнѣніи.

Андашевскій (*смущеннымъ и робкимъ голосомъ*).

Нѣтъ, ваше сіятельство, я не могу начать противъ г. Шуберскаго судебного преслѣдованія!

Графъ (*удивленнымъ и недовольнымъ тономъ*).

Это почему?

Андашевскій.

Потому что онъ можетъ доказать справедливость своихъ обвиненій противъ меня!

Графъ (*все болѣе и болѣе приходя въ удивленіе*).

Но какимъ же образомъ и чѣмъ онъ можетъ доказать это?

Андашевскій.

Тѣмъ, что вѣроятно даже письменныя какія нибудь доказательства имѣетъ на то; такъ какъ происшествіе, которое онъ описываетъ, въ самомъ дѣлѣ существовало.

Графъ (*какъ бы пораженный громомъ*).

Какъ существовало?... И вы дѣйствительно съ этихъ акціонеровъ взяли триста тысячъ?

Андашевскій (*съ трепетомъ въ голосъ*).

Взялъ-съ!..

Графъ (*все еще какъ-бы невѣрящій тому, что слышитъ*).

Алексѣй Николаичъ, что вы такое говорите? Вы или помѣшались или шутите надо мной, то я напоминаю вамъ, что шутки такія неприличны!

Андашевскій.

Я-бы никогда, ваше сіятельство, не позволилъ себѣ шутить такимъ образомъ; но, къ несчастію, все что я докладывалъ вамъ совершенно справедливо.

Графъ.

Но что-же вамъ за охота такая пришла докладывать мнѣ? Отчего вы не хотѣли скрыть отъ меня этого?

Андашевскій.

Оттого, ваше сіятельство, что я всегда и во всемъ привыкъ быть откровененъ съ вами.

Графъ.

Но вы-бы лучше пораньше были откровенны со мной, когда я васъ не выбиралъ еще въ товарищи себѣ; тогда я, можетъ быть, и поостерегся-бы это сдѣлать.

Андашевскій.

Я полагаю, ваше сіятельство, что дѣло это затухнетъ и что уже объ немъ никогда никакой огласки не будетъ!

Графъ.

Расчетъ благородный и особенно въ отношеніи меня!.. Я ѣздилъ всюду, кричалъ, ссорился за васъ и говорилъ, что за вашу честность я также ручаюсь, какъ за свою собственную, а вы оказались воръ!..

(Андашевскій вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ).

Графъ *(продолжаетъ).*

И что я теперь долженъ, по вашему, дѣлать? Я долженъ сейчасъ-же ѣхать и просить, какъ величайшей справедливости, чтобы васъ вышвырнули изъ службы, а вмѣстѣ съ вами и меня, стараго дурака: чтобы не ро-

тозейничаль.

Андашевскій (*совершенно сконфуженный*).

Ваше сіятельство, позвольте мнѣ хоть сколько нибудь оправдаться передъ вами!..

Графъ (*перебивая его*).

Чѣмъ-съ?.. Чѣмъ вы можете оправдаться, когда вы сами говорите, что пойманы почти съ поличнымъ?

Андашевскій.

Я, ваше сіятельство, не смѣлъ-бы и просить васъ объ томъ, если-бы отъ этого зависѣла только одна моя участь, но тутъ замѣшаны имя и честь вашей дочери.

Графъ (*поблѣднѣвъ*).

Какъ моей дочери?

Андашевскій.

Вашей дочери, графъ! Вы, конечно, изволили помнить, что, по безконечной добротѣ вашей ко мнѣ, вы мало что благодѣтельствовали мнѣ на службѣ, но ввели меня въ домъ вашъ, какъ гостя!.. Здѣсь я встрѣтилъ Ольгу Петровну... Человѣкъ можетъ владѣть своими поступками, но не чувствами!.. Страсть безнадежная, но тѣмъ не менѣе пожирающая меня, зажглась въ моемъ

сердцѣ къ Ольгѣ Петровнѣ.

Графъ.

Врете-съ! Лжете!.. Весь Петербургъ, я думаю, знаетъ, что у васъ всегда была любовница.

Андашевскій.

Любовь и любовница, ваше сіятельство, двѣ вещи разныя, и видитъ Богъ, что я десять лѣтъ уже люблю Ольгу Петровну; но видя, что она была жена другаго, понимая всю бездну, которая раздѣляла насъ по нашему общественному положенію, я, конечно, взглядомъ малѣйшимъ не позволялъ себѣ выразить чувства къ ней и только уже въ послѣднее время, когда Ольга Петровна сдѣлалась вдовою и намъ пришлось случайно встрѣтиться за границей на водахъ, то маленькое общество, посреди котораго мы жили, и отсутствіе свѣтскихъ развлеченій сблизили насъ, и здѣсь я, къ великому счастью своему, узналъ, что внушаю Ольгѣ Петровнѣ тоже самое чувство, которое и самъ питалъ къ ней.

Графъ (*насмѣшливо*).

Но почему-же чувство это заставило васъ взять взятку?.. Вотъ этого, признаюсь, не по-

нимаю.

Андашевскій (*трепещущимъ голосомъ*).

Вопросъ вашъ, ваше сіятельство, заставляетъ меня открыть вамъ то, что я думалъ унести въ могилу съ собою... Чувство мое заставило меня сдѣлать это, потому что когда я возвратился въ Петербургъ, то черезъ два-же мѣсяца получилъ отъ Ольги Петровны письмо, гдѣ она умоляла меня достать и выслать къ ней двѣсти тысячъ франковъ, которыми она могла-бы заплатить долги свои; а иначе ей угрожала опасность быть посаженной въ тюрьму!.. Я могъ все въ жизни вынести; но только не это!.. Своихъ денегъ у меня не было почти нисколько!.. Я первоначально бросился было ко всѣмъ контористамъ, чтобы занять у нихъ, но они мнѣ безъ матеріальнаго обезпеченія не довѣрили такой значительной суммы... Въ это время рѣшалось дѣло по Калишинскому акціонерному обществу: оно безъ всякаго ущерба въ справедливости могло быть рѣшено такъ, какъ и рѣшили его; но я поѣхалъ къ учредителямъ, обманулъ ихъ, напугалъ, говоря, что дѣло ихъ тогда только будетъ выиграно, если они выдадутъ мнѣ пай, и

они мнѣ выдали его въ триста тысячъ.

Графъ *(насмѣшливо и пристально взгляды-
вая въ лицо Андашевскому).*

Сумма немного превышающая долгъ моей
дочери!

Андашевскій.

Я взялъ сколько мнѣ дали, ожидая, что у
Ольги Петровны могутъ открыться другіе дол-
ги!

Графъ *(съ едва сдерживаемымъ
бѣшенствомъ).*

Что-жъ они открылись?

Андашевскій *(покраснѣвъ немного въ
лицѣ).*

Открылись!

Графъ.

Печный и предусмотрительный вы обожа-
тель и недостаетъ теперь только одного, что-
бы вы еще лично меня впутали въ эту гнус-
ную исторію!

Явленіе VII

Ольга Петровна, все время ходившая около, при послѣднихъ словахъ графа вошла на терасу.

Ольга Петровна.

Вы, Алексѣй Николаичъ, въ разсказѣ отцу забыли ему напомнить, что прежде чѣмъ я обратилась къ вамъ, я писала ему и со слезами просила его заплатить мой долгъ, а онъ мнѣ даже не отвѣчалъ на мои письма.

Графъ.

Нечѣмъ мнѣ было платить твоихъ долговъ!

Ольга Петровна.

Было-бы чѣмъ, папа, если бы у тебя деньги на другое не ушли!.. *(Снова обращаясь къ Андашевскому).*

Графу я вижу, Алексѣй Николаичъ, непріятенъ вашъ великодушный поступокъ въ отношеніи меня; но я его очень дорого цѣню и завтрашній же день желаю сдѣлаться вашей женой, съ полною готовностью всюду слѣдовать за вами, какая бы васъ участь ни постигла.

(Въ отвѣтъ на это Андашевскій молча ей кланяется, а графъ почти въ отчаяніи закидываетъ голову назадъ и произноситъ негромкимъ голосомъ: «О, mon Dieu, mon Dieu!..»).

Явленіе VIII

Тѣ же и Лакей.

Лакей.

Владиміръ Иванычъ Вуландъ!

Андашевскій *(потупляясь)*.

Вѣроятно съ доносомъ на меня.

Графъ *(дочери и Андашевскому)*.

Уйдите-же!.. Не могу я съ нимъ при васъ
объясняться.

(Андашевскій и Ольга Петровна уходятъ).

Явленіе IX

Входитъ Вуландъ. Онъ нѣсколько блѣденъ и смущенъ.

Графъ (*ему строго*).

Очень кстати, что вы пріѣхали. Я хотѣлъ было посылать за вами курьера.

Вуландъ (*довольно грубымъ голосомъ*).

Радуюсь, что предупредилъ желаніе вашего сіятельства.

Графъ.

Я хотѣлъ съ вами поговорить по поводу глупыхъ газетныхъ статей, которыя опять стали появляться объ Калишинскомъ дѣлѣ.

Вуландъ.

И я собственно ѣхалъ къ вашему сіятельству отчасти по тому же дѣлу.

Графъ.

Прекрасно-съ... Мы сошлись, поэтому, въ нашихъ желаніяхъ!.. Статьи эти пишетъ одинъ изъ покровительствуемыхъ вами чиновниковъ, Шуберскій! Я желаю, чтобы онъ минуты у насъ не оставался на службѣ.

Вуландъ.

Эти статьи пишетъ не Шуберскій!..

Графъ.

Кто-жъ ихъ пишетъ?

Вуландъ.

Я не знаю кто, но г. Шуберскій, когда я бралъ его къ себѣ, клятвенно мнѣ обѣщался никогда не писать о томъ, что совершалось или будетъ совершаться въ нашемъ вѣдомствѣ.

Графъ.

Ну, клятвы своей онъ не сдержалъ!.. Мало того-съ: я знаю, что статьи эти вы ему диктуете; а я со шпионами и клеветниками служить не желаю – извольте искать себѣ другаго мѣста!

Вуландъ (*поблѣднѣвъ*).

Это вѣроятно г. Андашевскій представилъ все вашему сіятельству въ превратномъ видѣ; но въ этихъ статьяхъ ни я, ни г. Шуберскій нисколько не участвовали; а что они являются, такъ потому, что дѣло это огласилось на весь Петербургъ и что оно не выдуманно, а фактъ, такъ какъ я даже доказательство имѣю на то: г-жа Сони́на, бывшая близкою особою господина Андашевскаго, прислала мнѣ письмо, удостовѣряющее, что все напеча-

танное въ газетахъ совершенно справедливо и къ этому присоединила даже собственно-ручную записку г. Андашевскаго, подтверждающую этотъ фактъ, прося все это представить вашему сіятельству, что я и исполняю въ настоящемъ случаѣ!.. *(подаетъ графу письмо Сониной и записку Андашевскаго)*.

Графъ *(бѣгло взглянувъ на то и на другое)*.

Ничего этого знать я не хочу!.. Вотъ все это!.. Вотъ!.. *(рветъ письмо и записку)*.

Вуландъ *(окончательно поблѣднѣвъ)*.

Ваше сіятельство, вы уничтожаете документъ!

Графъ *(кричитъ)*.

Никакого тутъ документа нѣтъ!.. Мало-ли о какихъ деньгахъ онъ могъ писать ей!.. Вотъ всѣ ваши документы! *(рветъ письмо и записку еще на болѣе мелкіе куски и бросаетъ ихъ на полъ)*. А я вамъ повторяю, что съ доносчиками и клеветниками я служить не желаю!

Вуландъ.

Не желать со мной служить вы можете; но уничтожать документы вы не имѣете права — я жаловаться на то буду!

Графъ.

Никакихъ документовъ тутъ не было! Идите вонъ, когда вы такъ позволяете себѣ говорить!

Вуландъ *(грубо и мрачно).*

Уйти я уйду, а жаловаться все-таки буду!!
(поворачивается и уходитъ).

Графъ *(кидаясь въ кресло и начиная хохотать какимъ-то сумасшедшимъ смѣхомъ).*

Ха! ха! ха! Отлично, превосходно поступаю!..

Явленіе X

Входятъ Андашевскій и Ольга Петровна, подслушивавшіе въ сосѣдней комнатѣ предыдущую сцену.

Графъ *(злобно и насмѣшливо обращаясь къ нимъ).*

Надѣюсь, что вы довольны мною!.. И это дѣлаетъ, по милости вашей, шестидесятилѣтній человѣкъ, имя котораго никогда и ничѣмъ не было запятнано! – Да будете вы прокляты!! *(уходитъ, сильно хлопнувъ дверьми въ комнаты).*

Ольга Петровна *(пожимая плечами).*

Сумасшедшій старикъ!

Андашевскій (какъ бы все еще невозможнѣйшій придти въ себя отъ предыдущей сцены съ графомъ).

Я однако никакъ не ожидалъ, чтобы все это такъ благополучно кончилось! (подбираетъ съ полу клочки разорванныхъ писемъ и показывая ихъ Ольгѣ Петровнѣ). Посмотри, пожалуста, въ какіе мелкіе кусочки онъ разорвалъ письма!..

Ольга Петровна.

Я тебѣ это предсказывала! Сказать ему откровенно самое лучшее было!.. Онъ очень хорошо чувствуетъ, что виноватъ тутъ! Онъ пять тысячъ душъ моей покойной матери прожилъ на разныхъ своихъ балетчицъ! Однако пойдемъ поскорѣе и сейчасъ же устроимъ, чтобы завтра намъ и обвѣнчаться! Надобно скорѣй его этимъ связать.

Андашевскій.

О, да, необходимо!

(Оба уходятъ озабоченной походкой).

(Занавѣсъ падаетъ).

Конецъ третьяго дѣйствія.

Дѣйствіе четвертое

Изящно убранная гостинная въ квартирѣ Андашевскихъ.

Явленіе I

Входитъ Мямлинъ и князь Янтарный. Первый, по обыкновенію, съ своимъ немного подергивающимся, бабьимъ лицомъ, въ невычищенномъ вицъ-мундирѣ, съ непричесанными клочковатыми волосами, съ грязными ногтями, но за то во всѣхъ крестахъ и медаляхъ, какіе когда либо получалъ. Князь Янтарный, довольно не старый еще и красивый изъ себя мужчина, съ большими черными и даже съ поволокой, но вмѣстѣ съ тѣмъ ничего не выражающими глазами, напротивъ былъ выстриженъ почти подъ гребенку и подбородокъ имѣлъ тщательнѣйшимъ образомъ выбритый, который однако все-таки оставался немного черноватымъ отъ необыкновенной густоты волосъ. Одѣтъ князь былъ въ бѣлый галстухъ и въ новенькій съ иголочки вицъ-мундирный фракъ; шлага и лаковые сапоги

его блестяли почти до неприличія. Всѣ слова свои онъ произносилъ замѣтно важничая и закрывая для этого немного глаза и вообще рѣчь его должна быть нѣсколько похожа на журчанье ручья.

Мямлинъ (*видимо стараясь что то такое толковать князю Янтарному*).

Я вамъ говорю, что Ольга Петровна все это устроила... У ней при мнѣ былъ разговоръ объ этомъ съ Алексѣемъ Николаичемъ.

Князь Янтарный.

Странно!.. Встрѣчаясь въ обществѣ, я всегда съ ней немного пикировался и на ея маленькія стрѣлы отвѣчалъ довольно колко; но, можетъ быть, этимъ самымъ я и выигралъ въ ея глазахъ, — *qui peut comprendre la femme!*

Мямлинъ.

Непремѣнно этимъ самымъ-съ! Она женщина большаго ума! Насквозь понимаетъ людей! Хоть бы взять съ меня! Вуландъ совершенно въ грязь меня втоптала передъ графомъ... Она меня спасла!

Явленіе II

Тѣже и Ольга Петровна, уже madame Андашевская.

Мямлинъ (быстро хватая князя Янтарнаго за руку и представляя его Ольгѣ Петровнѣ).

Madame!.. permettez moi de vous présenter: князь Янтарный.

Ольга Петровна.

Мы съ княземъ знакомы давно! (любезно протягиваетъ обоимъ гостямъ свою ручку и затѣмъ, легкимъ, движеніемъ головы пригласивъ ихъ садиться, сама тоже садится).

(Князь Янтарный и Мямлинъ садится въ нѣсколько церемонной, визитной позѣ).

Князь Янтарный (немного привставая съ своего кресла и прижимая вмѣстѣ съ наклоненіемъ головы ручку къ сердцу).

Pardon, madame, что я являюсь къ вамъ въ этой ливреѣ нашей, – но я пріѣхалъ къ вамъ почти офиціально, чтобы безконечно благодарить васъ за ваше доброе участіе, которое, какъ вотъ Дмитрій Дмитричъ (показываетъ на Мямлина) передавалъ мнѣ, вы принимали въ опредѣленіи моемъ на мѣсто г. Вуланда.

Ольга Петровна (*съ живостью*).

А вы уже опредѣлены?.. Ахъ, я очень рада!

Князь Янтарный.

Алексѣй Николаичъ еще недѣли двѣ тому назадъ заѣхалъ ко мнѣ и говорить, что Владиміръ Иванычъ Вуландъ скоропостижно померъ! Это такъ меня фрапировало!.. Я передъ тѣмъ только еще обѣдалъ рядомъ съ Вудандомъ въ англійскомъ клубѣ и онъ былъ совершенно здоровъ!.. Какъ, почему и отъ чего человекъ умеръ?

Ольга Петровна (*немного сконфуженная этими словами*).

У него, кажется, аневризмъ былъ.

Мямлинъ.

Да и жизни былъ невоздержной – это что таить!

Князь Янтарный.

И Алексѣй Николаичъ тутъ-же предложилъ мнѣ занять мѣсто Владиміра Иваныча, но я уже имѣлъ подобную должность и оставилъ ее, что я и высказалъ откровенно Алексѣю Николаичу; но онъ былъ такъ добръ, что въ довольно ясныхъ намекахъ далъ мнѣ понять, что это мѣсто для меня пока; но что со време-

немъ я могу занять и *большее*.

Ольга Петровна.

О, конечно, если это хоть сколько нибудь будетъ зависѣть отъ мужа, то вы получите и *большее*, и я надѣюсь теперь, что вы помирились съ нимъ въ душѣ нѣсколько...

Князь Янтарный.

Я мало что помирился съ Алексѣемъ Николаичемъ, но я сталъ благоговѣть передъ нимъ, и въ этомъ случаѣ не беру ничего другаго, какъ мой собственный примѣръ: я, какъ хотите это назовите, имѣлъ глупость, неосторожность, но я, не зная человѣка, позволялъ себѣ говорить противъ него, и Алексѣй Николаичъ слышалъ это, конечно; потому что я говорилъ это всюду, говорилъ не только что при васъ, но даже съ вами. Вы вѣроятно въ это время были уже невѣстой его, и полагаю, что должны были передавать ему это...

Ольга Петровна.

Да, я ему передавала.

Князь Янтарный (*поднимая указательный палецъ свой, какъ-бы затѣмъ, чтобы придать болѣе вѣса словамъ своимъ*).

И Алексѣй Николаичъ, не смотря на все

это, въ видахъ уже, конечно, одной только пользы служебной и не находя меня, не знаю почему, заслуживающимъ настоящей моей должности, самъ первый прїѣхалъ ко мнѣ и предложилъ мнѣ трудиться вмѣстѣ съ нимъ, — такъ поступить изъ миліоновъ людей — можетъ только одинъ!

Мямлинъ (*подхватывая*).

И который, прибавьте, любить Россію истинной любовью!

Князь Янтарный.

Именно любить Россію истинной любовью! Кромѣ того-съ: послѣдніе два дня я имѣлъ счастье... Иначе не могу этого назвать!.. Имѣлъ счастье видѣть Алексѣя Николаича въ его служебной дѣятельности и убѣдился, что въ этомъ отношеніи онъ гениальный человѣкъ!

Ольга Петровна.

Да, очень способный! Я хоть и жена его, но тоже, могу сказать, что онъ, какъ всѣ люди, имѣетъ, конечно, много недостатковъ; но какъ служебный дѣятель, онъ рѣшительно человѣкъ съ государственнымъ призваніемъ.

Князь Янтарный.

Рѣшительно съ государственнымъ призваніемъ: эта быстрота соображенія!.. Ударъ прямо въ цѣль! Способность обобщить, разбить на группы тысячи фактовъ.

Мямлинъ *(снова подхватывая)*.

А даръ изложенія!..

Князь Янтарный.

Да-съ!.. Изложенья даръ! Бумаги, имъ написанныя, брильянтами, алмазами краснорѣчія усыпаны, и я самъ видѣлъ, что онѣ ничего ему не стоятъ: онѣ такъ и льются, такъ и льются у него... Я теперь торжественно и всѣмъ говорю, что выборъ Алексѣя Николаича и предпочтеніе его другимъ кандидатамъ показываетъ въ графѣ Зыровѣ величайшую прозорливость и величайшую мудрость.

Мямлинъ.

А я всегда это самое говорилъ!.. *(обращаясь къ Ольгѣ Петровнѣ)*. Но скажите, какъ здоровье графа нынче? Я нѣсколько разъ къ нему являлся, но ни разу не былъ принятъ.

Ольга Петровна.

Папа былъ очень серьезно боленъ.

Мямлинъ *(съ искреннимъ участіемъ)*.

Но что было причиною его болѣзни?.. Про-

студился-ли онъ, не соблюлъ-ли діетки?.. Старички обыкновенно любятъ покушать.

Ольга Петровна.

Нисколько!.. нимало!.. причина – его душевныя потрясенія!

(Князь Янтарный и Мямлинъ дѣлаютъ удивленныя и какъ бы вопрошающія лица).

Ольга Петровна *(продолжаетъ).*

Сначала его очень волновали эти крики по поводу назначенія Алексѣя Николаича...

(Князь Янтарный потупляетъ при этомъ глаза).

Ольга Петровна *(показывая на него пальчикомъ).*

Ему совѣстно даже при этихъ словахъ моихъ смотрѣть на меня!..

Князь Янтарный *(держа униженно голову)*

Совѣстно, – каюсь въ томъ.

Ольга Петровна *(снова продолжаетъ).*

Потомъ эти гадкія газетныя статьи пошли, гдѣ такой грязью, такой низкой клеветой чернили челоуѣка, имъ избраннаго и возвышеннаго; а наконецъ и бракъ мой съ Алексѣемъ Николаичемъ добавилъ нѣсколько: въ об-

ществѣ теперь прямо утверждаютъ, что папа выбралъ себѣ въ товарищи Андашевскаго, чтобы пристроить за него дочку, и что Андашевскій женился для той же цѣли на этой старой кокеткѣ!

(Князь Янтарный и Мямлинъ хохочутъ и почти въ одно слово восклицаютъ).

На старой кокеткѣ!.. Кто жъ можетъ говорить это?

Ольга Петровна *(князю Янтарному).*

Да наша общая съ вами пріятельница, madame Бобриня, говоритъ это, и я нисколько въ этомъ случаѣ на нее не претендую; но желала бы, чтобъ ей растолковали одно: Алексѣй Николаичъ женился на мнѣ никакъ не для полученія настоящаго своего мѣста, потому что онъ имѣлъ его уже раньше, а что папа не для этой цѣли его возвысилъ, такъ это можно доказать тѣмъ, что графъ, напротивъ, очень недоволенъ моимъ замужествомъ за Алексѣя Николаича и *entre nous soit dit*: онъ до сихъ поръ почти не принимаетъ насъ къ себѣ!

Князь Янтарный *(съ удивленіемъ).*

Но почему же графъ можетъ быть недово-

лень вашимъ замужествомъ?

Ольга Петровна.

Тутъ много причинъ!.. Прежде всего, разумѣется, то, что Алексѣй Николаичъ плебей; ну и потомъ: мы съ мужемъ, какъ молодые оба люди, женясь, ничего не помышляли о томъ, что́ будетъ впереди, и все намъ представлялось въ розовомъ цвѣтѣ; но папа хорошо понималъ, что какимъ же образомъ тестъ и зять будутъ стоять на службѣ такъ близко другъ къ другу, и теперь дѣйствительно въ обществѣ уже говорятъ объ этомъ.

Мямлинъ.

Говорятъ-съ!.. Говорятъ! Я не рѣшался только докладывать вамъ объ этомъ, но толки есть.

Ольга Петровна.

Очень большіе – знаю это я!.. До папа тоже это доходитъ и все это его волновало, безпокойло, тревожило, и семьдесятъ его лѣтъ невольно сказались въ этомъ случаѣ.

Князь Янтарный.

Графу, однако, семьдесятъ лѣтъ?

Ольга Петровна.

О, да, около того!.. Мнѣ тридцать слишкомъ

мъ лѣтъ; а онъ очень, очень немолодымъ женился!.. И я даже боюсь теперь... Опять таки прошу, чтобы между нами это осталось; я съ вами это говорю совершенно какъ съ друзьями своими: я боюсь, что нѣтъ-ли у него маленькаго размягченія мозга.

(Князь Янтарный и Мямлинъ вмѣстѣ и почти въ ужасѣ восклицаютъ).

Князь Янтарный.

Скажите, какое несчастіе!

Мямлинъ.

Господи помилуй! *(крестится при этомъ).*

Ольга Петровна *(продолжаетъ).*

Потому что послѣднее время онъ газетъ даже не читаетъ, — не понимаетъ!.. Какая же причина тому?..

Князь Янтарный *(глубокомысленно).*

Но можетъ быть графъ озабоченъ чѣмъ-нибудь другимъ?

Ольга Петровна.

Развѣ забота можетъ помѣшать понять газету?.. Тутъ непременно должно быть что-нибудь серьезное, и вообразите мое положеніе теперь: съ одной стороны отецъ въ такомъ нехорошемъ состояніи здоровья, а съ другой

мужъ, который тоже бѣсится, выходитъ изъ себя: «Разъ, говоритъ, можно перенести клевету, два, три; но переносить ее всю жизнь не хватитъ никакого человѣческаго терпѣнія!» И я ожидаю, что онъ въ одну изъ бѣшеныхъ минутъ своихъ пойдетъ и подастъ въ отставку.

(Князь Янтарный и Мямлинъ опять въ одинъ голосъ восклицаютъ):

Какъ это возможно?.. Мы не пустимъ его!.. Онъ погубить этимъ все наше вѣдомство.

Ольга Петровна.

Я тоже не совѣтую ему это дѣлать; но въ тоже время не могу не согласиться съ нимъ, что есть оскорбленія, которыя нельзя перенести ни для какихъ благихъ цѣлей.

(На этихъ словахъ Мямлинъ вскакиваетъ вдругъ съ своего мѣста, какъ бы уколотый чѣмъ нибудь, и произноситъ почти испуганнымъ голосомъ):

Алексѣй Николаичъ пріѣхалъ-съ!

Явленіе III

Входитъ дѣйствительно Андашевскій; лицо у него взволнованное, озабоченное, но не печальное.

Ольга Петровна (*пристально взглянувъ на мужа*).

Ты откуда?

Андашевскій (*притворно небрежнымъ глосомъ*).

У князя Михаила Семеныча былъ.

Ольга Петровна (*измѣнившись нѣсколько въ лицѣ*).

И что же?

Андашевскій (*тѣмъ же небрежнымъ тономъ*).

Послѣ расскажу!.. (*обращаясь къ князю Янтарному и Мямлину*) Здравствуйте, господа (*и затѣмъ дружески пожав имъ руки, садится въ кресло и въ замѣтномъ утомленіи опрокидывается на задокъ его*).

Князь Янтарный.

Я счелъ себя обязаннымъ лично поблагодарить Ольгу Петровну за участіе ея въ опредѣленіи меня.

Андашевскій.

Да-съ, да!.. По крайней мѣрѣ починъ въ этомъ ей прямо принадлежитъ!.. Когда этотъ несчастный Вуландъ померъ, экспедицію его, я зналъ, что по многимъ обстоятельствамъ нельзя было оставить безъ начальника, а между тѣмъ графъ заболѣлъ и такимъ образомъ обязанность выбора легла на мнѣ; но я рѣшительно не зналъ кого назначить, такъ что говорю наконецъ объ этомъ женѣ... Она мнѣ и посовѣтовала: «что-жъ, говорить, тебѣ лучше, попроси князя Янтарнаго принять это мѣсто!.. Можетъ быть онъ и согласится!»

Князь Янтарный (*склоняя передъ Андашевскимъ голову*).

Правиломъ князя Янтарнаго всегда было и будетъ исполнять все что возлагаетъ на него правительство, хотя откровенно долженъ признаться, что въ экспедиціи Владиміра Иваныча я нашелъ такой беспорядокъ, такой хаосъ..

Андашевскій (*перебивая его*)

Я васъ предувѣдомлялъ о томъ!.. Вы не можете на меня сѣтовать.

Князь Янтарный.

Очень помню-сь! Но я объясняю вамъ собственно затѣмъ, что Вуландъ слыль трудолюбивымъ дѣльцомъ, и если теперь будутъ выходить какія нибудь упущенія, то прямо скажутъ, что князь Янтарный запустиль это; а между тѣмъ, чтобы привести дѣла хоть въ сколько нибудь человѣческой порядокъ, я долженъ употребить громадный трудъ!.. гигантскій трудъ!

Мямлинъ *(давно уже желавшій вмѣшаться въ разговоръ)*.

А я вотъ приняль экспедицію Алексѣя Николаича, такъ ни одной бумаги не нашель неисполненной, а книги бухгалтерскія такимъ почеркомъ ведены, что я право думаль рисованья *(относясь къ Андашевскому)*. А между тѣмъ, какъ Владиміръ Иванычъ всегда завидоваль вамъ и обижался вашимъ возвышеніемъ.

Андашевскій *(какъ бы ничего не знавшій по этому предмету)*.

Онъ говорилъ вамъ объ этомъ?

Мямлинъ.

Больше чѣмъ говорилъ; я былъ жертвою его зависти!.. Тогда какъ васъ назначили въ

теперешнюю должность вашу, я былъ въ командировкѣ, и конечно прискакалъ сейчасъ же въ Петербургъ, являюсь, между прочимъ, къ Владиміру Иванычу и начинаю ему, по своей откровенности, хвалить васъ!.. Говорю, какъ вы умны, просвѣщенны, трудолюбивы, а по болѣзни моей, надобно признаться, я не все и замѣчаю, что вокругъ меня происходитъ, только тутъ же со мной вмѣстѣ былъ бывший управитель дяди Михайла Семеныча, полковникъ Варнуха, котораго вы на дняхъ кажется, изволили назначить смотрителемъ Крестовоздвиженской богадѣльни.

Андашевскій.

Да, я его назначилъ.

Мямлинъ.

Дядѣ очень это будетъ пріятно!.. Очень! Выходимъ мы съ нимъ тогда отъ Владиміра Иваныча, онъ мнѣ и говоритъ: «Зачѣмъ вы такъ Алексѣя Николаича хвалили Владиміру Иванычу? Ему это очень было непріятно: онъ весь даже краснѣлъ со злости!» Я такъ себя по лбу и ударилъ. «Ну, думаю, будетъ мнѣ за это отплата!» И дѣйствительно: на другой же день насказалъ на меня графу...

Ольга Петровна.

А сколько самому Алексью Николаичу онъ, по своей зависти, дѣлалъ непріятностей.

Князь Янтарный.

Алексѣй Николаичу даже.

Ольга Петровна.

Да, какъ-же! Всѣ эти газетныя статьи противъ Алексѣя Николаича были писаны подъ диктовку г. Вуланда.

Князь Янтарный.

О, какая низость это съ его стороны!

Ольга Петровна.

Онъ и г-жа Сониная, бывшій предметъ страсти супруга – творцы ихъ.

(Князь Янтарный и Мямлинъ, какъ слѣдуетъ хорошимъ подчиненнымъ, потупляютъ при этомъ глаза свои).

Ольга Петровна.

И можете себѣ представить, что могутъ изобрѣсть и какъ наклеветать завидующій другъ и ревнующая женщина!

Князь Янтарный *(поднимая съ грустью глаза къ небу).*

Воображаю!

Мямлинъ.

Дьяволь рѣчетъ въ нихъ и говоритъ ихъ устами.

Ольга Петровна.

Это, впрочемъ, послужить Алексѣю Николаичу прекраснымъ урокомъ не вѣрять впередъ въ доброту глупыхъ женщинъ и въ дружбу умныхъ мужчинъ!

Андашевскій (*съ улыбкой*).

Очень вѣрное замѣчаніе! (*относясь къ Мямлину*). Ахъ, кстати, по поводу газетныхъ статей: вы объявляли господину Шуберскому, чтобы онъ подалъ въ отставку?..

Мямлинъ.

Какъ-же-съ! Въ тотъ-же день, какъ вы приказали... Онъ даже заплакалъ сначала и сталъ увѣрять меня, что можетъ представить удостовѣреніе, что эти статьи писаны не имъ... «А что еслибы, говоритъ, я захотѣлъ писать, такъ могъ бы написать чтонибудь и посерьознѣе».

Андашевскій.

Что-же такое посерьознѣе онъ могъ-бы написать?

Мямлинъ (*робѣя, не договаривая и стараясь свою мысль выразить болѣе жестами*).

Да тамъ-съ я, ей-Богу, и не знаю... но что будто бы, когда тамъ... Владиміръ Иванычъ... поспорился, что-ли, съ графомъ.. то прямо пріѣхалъ въ нѣмецкій клубъ, и что г. Шуберскій тамъ тоже былъ... Владиміръ Иванычъ подозвалъ его къ себѣ и сталъ ему рассказывать, что тамъ... графъ кричалъ, что-ли, тамъ на него, и что будто бы даже разорвалъ... я ужъ и не понялъ хорошенько, что это такое... разорвалъ письмо, что-ли, какое-то...

Андашевскій (*взглядывая на жену*).

Еще новую исторію сочинили.

Ольга Петровна (*пожимая плечами*).

Ихъ вѣроятно и много еще будутъ сочинять.

Мямлинъ.

И что будто-бы, изволите видѣть, сталъ говорить г. Шуберскому: «Опиши все это!» Но что тотъ будто-бы отказался!.. «Что, говорить, мнѣ писать такія небылицы!» Тогда Владиміръ Иванычъ очень разсердился на него и принялся пить пуншъ и что будто-бы выпилъ его стакановъ двадцать... такъ что Шуберскій принужденъ былъ уложить его въ

карету и свести домой, а на другой день Владиміръ Иванычъ померъ.

Андашевскій.

Все это очень можетъ быть: Вуландъ дѣйствительно, говорятъ, опился, и въ пьяномъ видѣ могъ Богъ знаетъ чего наболтать; но къ дѣлу это нисколько нейдетъ.

Мямлинъ (*глубокомысленно*).

Идетъ-съ, по моему!.. Тамъ, какъ вамъ угодно: но, какъ я понимаю, г. Шуберскій этотъ хоть и плакаль-съ передо мной, но онъ человѣкъ наглый!.. дерзкій!.. Какъ видитъ, что слезами ничего не взялъ, такъ сейчасъ-же поднялъ носъ!.. «Если, говоритъ, меня заставятъ оставить службу, такъ я все, что мнѣ рассказывалъ Вуландъ, напечатаю, а если-же оставятъ, такъ наоборотъ: напишу статью, опровергающую всѣ прежнія объ этомъ статьи»

Андашевскій (*замѣтно обрадованный*).

А, это другое дѣло!.. Если онъ напишетъ такую статью, тогда его можно будетъ и оставить. (*Обращаясь къ князю Янтарному*) Какъ вы думаете?

Князь Янтарный.

Разумѣется!.. Это такая мелочь! И вообще вся наша пресса такая грязь и сало, что отъ нея можно только отворачиваться, но никакъ не обращать на нее большаго вниманія.

Андашевскій (*Мямлину*).

На томъ условіи, чтобы г. Шуберскій напечаталъ статью, опровергающую всѣ прежнія статьи, я могу его оставить.

Мямлинъ.

Я самъ тогда это тоже сообразилъ и думаю: чортъ его дери!.. все лучше доложить объ этомъ Алексѣю Николаичу, а теперъ я такъ и передамъ ему ваше приказаніе.

Андашевскій.

Такъ и передайте!

Явленіе IV

Входитъ торопливо лакей.
Лакей.

Графъ прислалъ курьера и требуютъ къ себѣ съ дѣлами и съ бумагами князя Янтарнаго и господина Мямлина.

Мямлинъ (съ испугомъ).

Вотъ тебѣ разъ! (Начинаетъ дѣлать изъ лица гримасы). А у меня ничего и не готово.

Князь Янтарный (также съ вспыхнувшимъ лицомъ).

У меня тоже! (относясь къ Андашевскому нѣсколько смущеннымъ голосомъ). Графъ вѣроятно вступилъ въ свою должность?

Андашевскій (насмѣшливо).

Вѣроятно-съ!.. вѣроятно!.. «Часъ насталь и левъ просыпается!»

Мямлинъ (Янтарному).

Пойдемте скорѣе.

Князь Янтарный.

Идемте!

(Оба раскланиваются съ Андашевскими).

Ольга Петровна (смѣясь имъ).

Не завидую, господа, вашему положенію.

Князь Янтарный (тоже улыбаясь, но насильственно).

Ужасное, и особенно мое, такъ какъ я никакъ не ожидаю, чтобы графъ встрѣтилъ меня пріязненно!

Мямлинъ.

И мое положеніе не лучше вашего! (продолжаетъ все болѣе и болѣе гримасничать).

Андашевскій (Мямлину).

У васъ даже опять появился въ лицѣ припадокъ вашей болѣзни.

Мямлинъ.

Это ужъ всегда, какъ только чѣмъ нибудь встревожусь.

(Еще разъ раскланиваются съ Андашевскими и уходятъ).

Явленіе V

Андашевскій *(плотно притворяя за ними дверь)*.

Ушли наконецъ, несносные.

Ольга Петровна *(стремительно мужу)*.

Скажи, какъ ты очутился сегодня у князя Михайла Семеныча?

Андашевскій.

Очень просто: ъду я поутру мимо его дома... на сердцѣ у меня давно уже накипѣло: «ну, думаю, что будетъ, то будетъ!» велѣль каретѣ остановиться и вошелъ въ пріемную; народу пропасть; адъютантъ впрочемъ, какъ увидалъ меня, такъ сейчасъ же доложилъ, и князь сейчасъ же пригласилъ меня въ кабинетъ къ себѣ. Вхожу! Князь очень любезно протянулъ мнѣ руку: «Здравствуйте, говорите, Алексѣй Николаичъ, что скажете хорошенькаго?» Я говорю: «князь, я пріѣхалъ, во первыхъ, доложить вамъ, что покровительствуемый вами полковникъ Варнуха опредѣленъ мною смотрителемъ Крестовоздвиженской богадѣльни!» «Благодарю!» говоритъ. «Это назначеніе, говорю, я чисто уже

взялъ на свой страхъ, такъ какъ графъ теперь боленъ и, какъ я слышалъ, очень недоволенъ этимъ замѣщеніемъ!» — «Это почему?» говоритъ. Я говорю: «я не знаю, но ожидаю, что у меня по этому поводу будетъ съ графомъ весьма непріятное столкновеніе!» «Какъ это, говоритъ, будетъ глупо со стороны графа!» Подготовилъ, понимаешь, почву немного!

Ольга Петровна (*внимательнѣйшимъ образомъ слушавшая мужа*).

Понимаю!

Андашевскій (*продолжая*).

«Кромѣ-съ того, говорю, князь, я приѣхалъ и по собственному очень важному дѣлу, чтобы попросить у васъ совѣта и содѣйствія!» «Радъ, говоритъ, вамъ всѣмъ служить, чѣмъ только могу!» «Дѣло-съ, говорю, мое состоитъ въ томъ, что съ мѣсяць тому назадъ я женился на madame Басаевой, дочери графа!» «Знаю, говоритъ, видѣлъ вашу супругу на балѣ у австрійскаго посла и поздравлялъ ее!» «Бракъ этотъ, говорю, совершенно неожиданно для насъ возбудилъ большіе толки въ обществѣ; отовсюду къ намъ доходятъ слухи объ удивленіи и недоумѣніи общества, что ка-

кимъ образомъ тестъ изять будутъ такъ близко стоять другъ къ другу»!.. Остановился я на этихъ словахъ, жду, что онъ скажетъ... Онъ подумалъ немного, потеръ себѣ носъ и говорить: «Дѣйствительно, говорить, въ служебныхъ сферахъ это не принято и въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно всегда переводятъ когонибудь...» «Не когонибудь, говорю, а ужъ конечно меня переведутъ; мною, какъ младшимъ, пожертвуютъ и принесутъ меня на закланіе!» «Почему-жъ, говорить на закланіе; вамъ вѣроятно дадутъ назначеніе равное теперешнему!» Ахъ ты, думаю, старый волкъ!.. Ты, пожалуй, устроишь это!

Ольга Петровна.

Воображаю, что ты долженъ былъ почувствовать въ эти минуты!

Андашевскій.

Ужасъ! я тебѣ говорю, ужасъ!.. И я помню только одно, что я тутъ, какъ бѣшенный конь, закусилъ удила и рѣшился валять на проломъ: «Во всѣхъ моихъ служебныхъ объясненіяхъ, князь, говорю, я привыкъ быть всегда совершенно откровеннымъ, позвольте мнѣ и съ вами быть такимъ же!» «Пожалуста!

говорить.» «Управленіе наше, говорю, какъ, можетъ быть, не безъизвѣстно вашему сіятельству исключительно было ведено мною и господиномъ Вуландомъ и еслибы господинъ Вуландъ былъ живъ, то при теперешнихъ обстоятельствахъ и вопросу никакого не могло быть: мнѣ бы дали какое нибудь другое назначеніе, а господинъ Вуландъ сѣлъ бы на мое мѣсто, и дѣла пошли бы точно также, какъ и теперь идутъ; но господинъ Вуландъ умеръ, опредѣленные на наши мѣста лица – люди совершенно неопытные, я уйду, самъ графъ старъ и боленъ, – князь! при соединеніи всѣхъ этихъ случайностей, я положительно увѣренъ, что произойдетъ полнѣйшій безпорядокъ въ веденіи дѣлъ.»

Ольга Петровна.

Ты отлично, безподобно сдѣлалъ, что сказалъ ему это.

Андашевскій.

Еще бы, я очень хорошо зналъ, что этихъ господъ только подобными вещами можно огорошить и вотъ тебѣ доказательство: какъ я ему объяснилъ это, онъ весь сталъ вниманіе. «Но чѣмъ же, говоритъ, графъ нездоровъ; су-

пруга ваша съ большимъ горемъ мнѣ разска-
зывала, что у него даже маленькое мозговое
разстройство начинается!» Я пожалуй плеча-
ми. «Болезнь эта, говорю, до нѣкоторой степе-
ни давно присуща графу и я только по своей
глубокой преданности къ нему тщательно
скрывалъ это; но болѣе уже трехъ лѣтъ какъ
на мнѣ лежитъ вся тяжесть его служебнаго
труда, такъ что онъ не подписывалъ ни од-
ной бумаги, предварительно мною не
просмотрѣнной и ему не рекомендованной!»
«А теперь что же, говоритъ, болезнь эта уси-
лилась въ немъ?» «Какъ кажется!» говорю.
«Жаль, говоритъ, старика, очень жаль, и въ
такомъ случаѣ ужъ лучше ему уйти на по-
кой!» «О, говорю, онъ объ этомъ вовсе и не по-
мышляетъ, а напротивъ: съ каждымъ днемъ
становится честолюбивѣй и властолюбивѣе!»
«Ну, положимъ, говоритъ, на это не очень по-
смотримъ, только къмъ-же замѣстятъ его... Од-
инъ только Карга-Короваевъ и могъ-бы еще
занять его мѣсто.»

Ольга Петровна.

Вотъ пріятный сюрпризъ будетъ, если на-
значать Каргу-Короваева!

Андашевскій.

Сюрпризъ, при которомъ невозможно будетъ оставаться служить, потому что господинъ этотъ мало того что деспотъ въ душѣ и упрямъ, какъ вошь; но онъ уменъ, каналья, и если что захочетъ, такъ его не обманешь, какъ другихъ, наружнымъ только видомъ, что повинуешься ему и дѣлаешь по его: онъ дощупается до всего, что я и высказалъ отчасти князю. «Если, говорю, ваше сіятельство, къ намъ будетъ назначенъ Карга-Короваевъ, то я минуты не останусь въ моей должности!» «Это почему?» говоритъ. «Потому что, говорю, господинъ Карга-Короваевъ, сколько я знаю его, привыкъ цѣнить и уважать только свои мысли и свой трудъ и, вступивъ къ намъ въ управленіе, онъ прежде всего, разумѣется, начнетъ переустроивать и передѣлывать заведенный нами порядокъ, а мнѣ присутствовать при этомъ постоянно и каждодневно будетъ очень ужъ тяжело, и я лучше обреку себя на бѣдность и нужду; но выйду въ отставку.» Онъ на эти слова мои немного улыбнулся. «Да, говоритъ: но я про Каргу сказалъ только одно мое предположеніе, къ вамъ же, гово-

рить, конечно, если графъ оставить службу, всего бы справедливѣй было васъ назначить, но вы молоды очень... Сколько вамъ отъ роду лѣтъ?» «Сорокъ», говорю.

Ольга Петровна.

Пять прибавиль?

Андашевскій.

Пять прибавиль!.. «Но, говоритъ, говорили въ когда нибудь съ самимъ графомъ о вашемъ желаніи занять его мѣсто?» Я говорю, что «я никакъ не могъ съ нимъ говорить объ этомъ, потому что оба мы такъ близко заинтересованы въ этомъ случаѣ». «По крайней мѣрѣ, говоритъ, супруга ваша, дочь его, могла бы дать ему эту мысль!» «И той, говорю, не ловко сказать ему объ этомъ. Вотъ если бы вы, говорю, ваше сіятельство, были такъ добры, что объяснили графу сущность дѣла. Онъ васъ безконечно уважаетъ и каждое слово ваше приметъ за законъ для себя!.. И я опять осмѣлюсь повторить вамъ, что прошу васъ объ этомъ не столько въ видахъ личнаго интереса, сколько для спасенія самаго дѣла, потому что иначе оно должно погибнуть!..» Молчитъ онъ на это... Я убѣжденъ, что у меня

въ это время прибавилось съдыхъ волосъ!..
Взгляни, пожалуста, больше ихъ стало?

Ольга Петровна (*взглядывая на волосы мужа*).

Кажется, немного больше.

Андашевскій.

Наконецъ прорѣкъ: «хорошо, говоритъ, я повидаюсь со старикомъ, поговорю съ нимъ и посоветую ему; а потомъ какъ онъ самъ хочетъ!..» «Безъ сомнѣнiя-съ, говорю, какъ самъ пожелаетъ потомъ»...

Ольга Петровна (*лукаво*).

Пусть-бы ужъ только онъ посоветоваль!..
Отецъ очень хорошо пойметъ, что это равняется приказанiю.

Андашевскій.

Конечно!

Ольга Петровна.

Онъ однако для этого самъ хотѣль
пріѣхать къ отцу?

Андашевскій.

Непремѣнно.

Ольга Петровна.

Но когда-же?

Андашевскій.

Не знаю!.. Можетъ быть даже сегодня.

Ольга Петровна *(съ безпокойствомъ).*

Мнѣ поэтому сейчасъ-же надо ѣхать къ па-
па.

Андашевскій.

Ты думаешь?

Ольга Петровна *(съ тѣмъ-же безпокой-
ствомъ).*

Непремѣнно, а то князь пріѣдетъ къ нему,
прямо скажетъ о твоёмъ желаніи, это ужасно
озадачитъ отца: онъ взбѣсится конечно и, по-
жалуй, чтобы повредить тебѣ, расскажетъ все
про Калишинское дѣло и про Вуланда.

Андашевскій *(въ свою очередь тоже съ
безпокойствомъ).*

Но чѣмъ-же ты его отъ этого остановишь?

Ольга Петровна.

Знаю я чѣмъ его остановить... У меня мно-
гое есть, чѣмъ я могу на него дѣйствовать...
Вели мнѣ поскорѣе подать карету. Эмилиа, по-
дайте мнѣ шляпу!

Андашевскій *(подходитъ къ дверямъ и
кричитъ).*

Карету подавать для Ольги Петровны!

(Эмилиа – хорошенькая нѣмка-горничная

подаеть Ольгѣ Петровнѣ шляпку и уходитъ)

Ольга Петровна (надѣвъ торопливо шляпу и подавая руку мужу).

Прощай!

Андашевскій (почти умоляющимъ голосомъ).

Возвращайся, Бога ради, скорѣе, не ищущай моего терпѣнія!

Ольга Петровна.

Прямо отъ отца и возвращусь сюда! (уходитъ).

Явленіе VI

Андашевскій (начиная ходить взадъ и впередъ по комнатѣ).

Говорятъ въ Россіи служба очень пріятная и спокойная дѣятельность; но одинъ день такой, какъ сегодня, для меня пережить чего стоитъ, а иначе нельзя: не предумотри и прозѣвай хоть одну минуту, изъ подъ носу утащатъ лакомый кусокъ. Вся задача въ томъ и состоитъ, чтобы раньше забѣжать другихъ!.. (безпокойство и нетерпѣніе все болѣе и болѣе овладѣваютъ имъ). Жена вѣроятно долго еще не возвратится... Просто не знаю, что

и дѣлать съ собою!.. Опіуму, кажется, съ удовольствіемъ-бы принялъ, чтобы заснуть на это время и ничего не чувствовать! (*беря себя за лѣвый бокъ*). Такое біеніе сердца началось, что аневризмъ пожалуй наживешь!..

(Входитъ лакей).

Лакей (*нѣсколько мрачнымъ и таинственнымъ голосомъ*).

Госпожа Сониная опять пришла къ вамъ и желаетъ васъ видѣть.

Андашевскій.

Только этого еще недоставало!.. (*обращаясь къ лакею*). Я, кажется, сказалъ тебѣ одинъ разъ навсегда, чтобы ты не только что никогда не принималъ ея, но даже не смѣлъ-бы и докладывать мнѣ объ ея посѣщеніяхъ.

Лакей.

Да я не хотѣлъ было докладывать, но она сѣла на лѣстницѣ на лавочку и говоритъ, что будетъ дожидаться, пока вы пройдете.

Андашевскій (*еще съ большимъ бѣшенствомъ*).

Ну, я тебе отъ мѣста откажу, если ты ее сейчасъ же не протуришь!

Лакей.

Да мнѣ что!.. я пожалуй протурю! (*Уходитъ*).

Явленіе VIII

Андашевскій (*опять одинъ*).

Какова наглость этой женщины!.. После того какую сдѣлала она противъ меня подлость и чуть было не погубила меня, ходитъ еще ко мнѣ!.. Чего она надѣется и ожидать?.. Что я испугаюсь ее или разнѣжусь и возвращу ей любовь мою?.. Глупость въ некоторыхъ людяхъ доходитъ иногда до такихъ предѣловъ, что понять даже невозможно!

(*Звонитъ*).

Явленіе IX

Входитъ тотъ-же лакей.

Андашевскій (*нетерпѣливо ему*).

Что ты отказалъ?

Лакей.

Отказалъ-съ, ушла!

Андашевскій.

Какъ-же ты это сдѣлалъ?

Лакей.

Сказалъ-съ, что если она не уйдетъ, такъ я за городовымъ схожу и вмѣстѣ ее выведемъ — она заплакала и ушла.

Андашевскій.

Ну, и хорошо!.. спасибо! (*смотритъ съ нетерпѣніемъ на часы*). А Ольги Петровны все еще нѣтъ! (*лакею*) Поди, приведи мнѣ извозчика къ дому графа.

(*Лакей уходитъ*).

Андашевскій.

Поѣду къ подѣзду графа и буду на крыльцѣ его дожидаться жены!

(*Занавѣсъ падаетъ*).

Конецъ четвертаго дѣйствія.

Дѣйствіе пятое

Явленіе I

Служебный кабинетъ графа Зырова. Огромный столъ весь заваленъ бумагами и дѣлами. Графъ, по прежнему, въ молодежскомъ пиджакѣ, сидитъ передъ тѣмъ столомъ; лицо его имѣетъ почти грозное выраженіе. На правой отъ него сторонѣ стоятъ въ почтительныхъ позахъ и съ грустно наклоненными головами Мямлинъ и князь Янтарный; а налѣво полковникъ Варнуха, въ замирающемъ и окаменѣломъ положеніи, и чиновникъ Шуберскій, тоже грустный и задумчивый.

Графъ (*строго Варнухѣ*).

Когда именно вы опредѣлены?

Полковникъ Варнуха.

Приказомъ 17 августа, ваше сіятельство.

Графъ.

Но Алексѣй Николаичъ, я думаю, долженъ былъ бы предувѣдомить меня о томъ и спросить моего согласія прежде, чѣмъ я буду имѣть честь прямо уже встрѣтиться съ вами

на службѣ...

Полковникъ Варнуха (*плачевнымъ тономъ*).

Я буду стараться, ваше сіятельство!

Графъ.

Стараться вы будете!.. Гдѣ вы прежде служили?

Полковникъ Варнуха.

Смотрителемъ Огюньскаго завода!

Графъ.

Отчего же тамъ и не продолжали службы?.. На какомъ основаніи и на какихъ данныхъ пришла вамъ въ голову мысль искать настоящаго мѣста? Здѣсь надобно имѣть христіанскія чувства, христіанское направленіе.

Полковникъ Варнуха.

Я христіанинъ, ваше сіятельство.

Графъ.

То-есть почему вы христіанинъ? Что въ церковь ходите и творите земные поклоны предъ образами... Тутъ нужно-съ быть челоуку религіозному въ душѣ, сознательно и просвѣщенно вѣрующему.

Мямлинъ (*вытягивая голову и произнося*

робкимъ голосомъ).

Полковникъ Варнуха, ваше сіятельство, назначенъ по ходатайству князя Михаила Семеныча.

Графъ.

Я не съ вами говорю, а потому прошу васъ не вмѣшиваться!

(У Мямлина сейчасъ же при этомъ задергало лицо).

Графъ *(снова обращаясь къ полковнику Варнухѣ).*

Я заранѣе васъ предупѣдомляю, что я каждый день буду заѣзжать въ богадѣльню и горе вамъ, если хоть малѣйшее упущеніе встрѣчатъ буду! Снисхожденія никакого не ждите!.. Мало что отъ службы уволю, подъ судъ еще отдамъ; потому что всякій сверчокъ долженъ знать свой шестокъ: нечего было идти туда, куда вы не призваны ни по способностямъ вашимъ, ни по чему другому!..

Полковникъ Варнуха.

Семейство, ваше сіятельство, нужда заставляеть.

Графъ.

Семейство не даетъ же челоуѣку права на

всякія мѣста, какія только открываются. Отправляйтесь.

(Полковникъ Варнуха поворачивается и уходитъ на цыпочкахъ).

Явленіе II

Графъ Зыровъ, князь Янтарный, Мямлинъ и Шуберскій.

Графъ *(взглядывая на Шуберскаго).*

Вы, если я не ошибаюсь, г. Шуберскій?

Шуберскій.

Точно такъ, ваше сіятельство!

Графъ.

Но на какомъ основаніи вы въ вицъ-мундирѣ? Вы продолжаете еще служить у насъ?

Шуберскій.

Продолжаю, ваше сіятельство!

Графъ.

Но я Алексѣю Николаичу, кажется, довольно ясно сказалъ, чтобы онъ предложилъ вамъ подать въ отставку.

Шуберскій.

Мнѣ передавалъ это ваше приказаніе Дмитрій Дмитричъ Мямлинъ но я прежде желалъ доложить вашему сіятельству, что ста-

тъи, за которыя вамъ угодно было разгнѣваться на меня, писаны не мною: я имѣю удостовѣреніе въ томъ отъ редакціи газеты, гдѣ помѣщены эти статьи (*подаетъ графу удостовѣреніе*).

Графъ (*почти не взглядывая на удостовѣреніе*).

И вы думаете, что я этому повѣрю: господа газетчики и фельетонисты я не знаю чего не способны написать и въ чемъ не готовы удостовѣрить.

Шуберскій.

Можетъ быть дѣйствительно, ваше сіятельство, это и справедливо, но редакція газеты, изъ которой я имѣю честь представить вамъ удостовѣреніе, пользуется именемъ самой честной, самой добросовѣстной...

Графъ.

Всѣ вы одинаковы! Всѣ-съ!.. Правительству давно бы слѣдовало обратить на васъ вниманіе и позажать вамъ рты!.. Какъ же вы говорите, что не вы писали статьи, когда вы сами признавались въ томъ Андашевскому.

Шуберскій.

Первая статья, ваше сіятельство,

дѣйствительно написана мною; но я въ этомъ случаѣ введенъ былъ въ обманъ господиномъ Вуландомъ.

Графъ.

На господина Вуланда теперь сваливаете!.. Господинъ Вуландъ заставлялъ васъ писать.

Шуберскій.

Господинъ Вуландъ-съ!.. И я на дняхъ помѣщу статью, опровергающую мою прежнюю статью!.. Въ ней откровенно я признаюсь, какъ и къмъ я былъ введенъ въ обманъ.

Графъ.

Ну, я увѣренъ въ одномъ, что если бы господинъ Вуландъ былъ живъ, такъ вы бы не напечатали такой статьи.

Шуберскій.

Напечаталъ бы, ваше сіятельство.

Графъ.

Нѣтъ-съ, не напечатали-бы! Во всякомъ случаѣ я съ фельетонистами служить не желаю.

Шуберскій.

Но гдѣ-же, ваше сіятельство, законъ, воспреещающій фельетонистамъ служить?

Графъ.

Есть законъ-съ!.. Я могу увѣрить васъ, когда мнѣ угодно и совершенно по своему усмотрѣнію.

Шуберскій.

Ваше сіятельство, Алексѣй Николаичъ совершенно простилъ меня за мою статью.

Графъ (крича).

Но я васъ не прощаю, понимаете вы это!.. И если вы въ 24 часа не подадите въ отставку, то я велю васъ уволить по 3-му пункту – другаго рѣшенія вамъ отъ меня не будетъ!.. (слегка киваетъ головой Шуберскому, который ему тоже слегка кланяется и уходитъ блѣдный и окончательно сконфуженный).

Явленіе III

Графъ Зыровъ, князь Янтарный в Мямлинъ.
Графъ (*относясь къ князю Янтарному*).

Что у васъ приготовлено?

Князь Янтарный (*очень модно и свободно подходя къ графу и вмѣстѣ съ тѣмъ играя брелоками своихъ часовъ*).

Я, ваше сіятельство, сегодня ничего приготовленнаго не имѣю; потому что все это время ревизоваль мою экспедицію.

Графъ (*съ нѣкоторымъ удивленіемъ взглядывая на него*).

Но что же такое вы ревизовали? Не мои же распоряженія, надѣюсь?

Князь Янтарный.

О, конечно нѣтъ!.. Но вообще весь этотъ ходъ и порядокъ дѣлъ.

Графъ.

То есть, канцелярскій порядокъ – вы хотите сказать?

Князь Янтарный.

Да-съ, я это именно и хотѣлъ сказать.

Графъ.

Ну, это вы совершенно напрасно труди-

лись; потому что вашъ предшественникъ такъ превосходно зналъ этотъ порядокъ, такъ добросовѣстно велъ его, что вамъ за прошедшее время можно быть вполне покойну и заботиться только о томъ, чтобы на будущее время порядокъ этотъ шелъ также исправно, какъ шелъ онъ при Владимірѣ Иванычѣ.

Князь Янтарный.

Я такъ и ожидалъ это найти, ваше сіятельство, но къ великому моему удивленію встрѣтилъ въ экспедиціи Владиміра Иваныча крайній безпорядокъ, страшныя упущенія.

Графъ (*смѣясь ему почти прямо въ лицо*).

Вотъ чтò вы встрѣтили!.. А что, если я вамъ скажу, что вы это говорите неправду!..

Князь Янтарный.

Совершеннѣйшую правду, ваше сіятельство!.. Я уже докладывалъ объ этомъ и Алексѣю Николаичу.

Графъ.

Алексѣю Николаичу вы можете докладывать, сколько вамъ угодно, но меня вамъ не убѣдитъ въ томъ; я старый воробей на службѣ – и цѣль всѣхъ вновь вступающихъ

чернить дѣятельность своихъ предшественниковъ очень хорошо понимаю: если дѣло пойдетъ хорошо у нихъ, это возвыситъ ихъ собственный трудъ; а если оно пойдетъ дурно, то этимъ можетъ быть отчасти извиненъ допущенный ими безпорядокъ – пріемъ весьма старый и весьма извѣстный въ служебномъ мірѣ!

Князь Янтарный *(потупляя глаза)*.

Мнѣ очень грустно, ваше сіятельство, что мои слова вы изволили такимъ образомъ понять, и что мнѣ нѣкоторымъ образомъ показываетъ, что я не имѣю счастья пользоваться вашимъ добрымъ мнѣніемъ объ себѣ; но смѣю васъ завѣрить, что я настоящей моей должности не искалъ и мнѣ ее Алексѣй Николаичъ самъ предложилъ.

Графъ.

Алексѣй Николаичъ вѣроятно имѣлъ для этого какія нибудь свои основанія; но я съ своей стороны буду требовать отъ васъ настоящей службы и дѣятельности не манкирующей и въ этомъ случаѣ не стѣснюсь никакими свѣтскими соображеніями.

Князь Янтарный.

Я, ваше сіятельство, никогда ни на какія свѣтскія соображенія и не расчитывалъ; а привыкъ заявлять себя своей дѣятельностью, которую Алексѣй Николаичъ отчасти уже видѣлъ и, какъ говорилъ мнѣ, остался ею очень доволенъ.

Графъ *(выходя изъ себя)*.

Опять Алексѣй Николаичъ! Скажите на милость: пока я сижу еще здѣсь, на этомъ стулѣ, кто вашъ начальникъ – я или Алексѣй Николаичъ?

Князь Янтарный.

Конечно вы, ваше сіятельство!

Графъ.

Однако и вы, и какой-то этотъ Варенуха, и господинъ Мямлинъ безпрестанно напоминаете мнѣ то объ Алексѣѣ Николаичѣ, то объ князѣ Михайлѣ Семенычѣ, недостаетъ только назвать еще мнѣ madame Бобрину, и я на это одинъ разъ навсегда говорю, что я стою уже одной ногой въ могилѣ, а потому ни въ какихъ покровителяхъ не нуждаюсь и никакихъ враговъ и соперниковъ не боюсь!

Князь Янтарный.

Я, ваше сіятельство, всегда васъ и

разумѣль такимъ и всегда зналъ ваше высокое безпристрастіе.

Графъ.

Да-съ, прошу васъ и на будущее время разумѣть меня такимъ, и если желаете служить со мной, то вопервыхъ: не играйте вашими брелоками!.. Я люблю дисциплину и нахожу это неприличнымъ при разговоръ съ начальникомъ...

(Князь Янтарный мгновенно же перестаетъ играть брелоками).

Графъ *(продолжаетъ).*

А во вторыхъ, не надѣйтесь ни на сына, ни на князи чловѣческіе, и вообще я желаю вамъ гораздо большаго усердія въ трудахъ вашихъ, чѣмъ я встрѣтилъ это сегодня! *(круто поворачивается къ Мямлину)*. У васъ хоть готово ли что-нибудь?

Мямлинъ.

Имѣю-съ докладъ!

Князь Янтарный *(съ надувшимся и оскорбленнымъ лицомъ, отходитъ и становится на прежнее мѣсто; Мямлинъ подходитъ къ графу и развѣтываетъ передъ нимъ огромное дѣло).*

Мямлинъ (*запинаясь на каждомъ почти словѣ и дѣлая изъ лица гримасы*).

Это-съ дѣло крестьянъ Коловоротинской волости съ казною!.. У нихъ во владѣніи были по лѣвую сторону Оки поемные луга!.. Это геологическій ужъ законъ, что горная сторона рѣки всегда направо по теченію, а налѣво низовая сторона-съ, — это законъ геологическій...

Графъ (*молча, но мрачно его слушаетъ*).

Мямлинъ (*все болѣе и болѣе конфузясь*).

А на нагорной этой сторонѣ, изволите видѣть, земли и владѣнія вѣдомства государственныхъ имуществъ... Оно взяло и примержевало къ себѣ луга... Крестьяне говорятъ, что у нихъ десятилѣтняя давность владѣнія, а имъ на это возражаютъ, что для казны нѣтъ десятилѣтней давности.

Графъ (*съ удивленіемъ взглядывая на Мямлина*).

Какъ нѣтъ для казны десятилѣтней давности?

Мямлинъ (*утвердительно*).

Нѣтъ-съ!

Графъ.

Перестаньте, что вы говорите! Десятилѣтняя давность для всего въ мірѣ существуетъ!

Мямлинъ (снова утвердительно).

Нѣтъ, ваше сіятельство, прямая статья есть.

Графъ.

Нѣтъ такой статьи-сь!

Мямлинъ.

Есть, ваше сіятельство!

Графъ (показывая на шкафъ съ книгами).

Вотъ сводъ законовъ, – отыщите!

(Мямлинъ подходитъ къ этому шкафу, вынимаетъ изъ него сразу нѣсколько томовъ и начинаетъ дрожащими руками перелистывать ихъ, потѣетъ при этомъ, краснѣетъ, дѣлаетъ изъ лица маленькія гримасы и ничего не находитъ. Графъ между тѣмъ просматриваетъ докладываемое ему дѣло и при этомъ только слегка покачиваетъ головой и грустно усмѣхается).

Мямлинъ (съ сильною уже гримасою въ лицѣ).

Не могу, ваше сіятельство, найти! – извините!.. Позвольте мнѣ дома пріискать!.. Въ

подлинномъ дѣлѣ – это очень ясно прописано.

Графъ *(продолжая грустно улыбаться).*

А вы, скажите, читали это подлинное дѣло все?

Мямлинъ.

Читаль, ваше сіятельство!

Графъ.

Ну, я признаюсь, гораздо бы лучше для васъ желалъ, чтобы вы вовсе его не читали. Въ чемъ же, по вашему, суть дѣла тутъ?

Мямлинъ.

Это тяжба крестьянъ Коловоротинской волости съ казною.

Графъ.

То-есть, была тяжба и она уже рѣшена и земля возвращена въ казну – такъ?

Мямлинъ.

Точно такъ, ваше сіятельство!

Графъ.

Такъ къ чему же вы говорите о какой-то геологіи, о какихъ-то статьяхъ закона не существующихъ! Въ чемъ тутъ наша обязанность?.. Чего собственно отъ насъ требуютъ?

Мямлинъ *(молчитъ и краснѣетъ въ лицѣ).*

Графъ.

Требуютъ, чтобы я далъ заключеніе, что слѣдуетъ-ли крестьянъ подвергать уплатѣ въ казну за неправильное владѣніе, и конечно мое мнѣніе должно состоять въ томъ, что слѣдуетъ!

Мямлинъ *(снова оживленнымъ тономъ)*.

Нѣтъ, ваше сіятельство, я не могу съ этимъ согласиться и остаюсь въ томъ убѣжденіи, что если десятилѣтняя давность существуетъ для частныхъ лицъ, то почему же она не должна существовать для казны?.. Это прямое нарушеніе справедливости!..

Графъ *(выходя изъ себя)*.

Господи помилуй, вы помѣшались наконецъ на этой десятилѣтней давности!.. Къ чему она вамъ? Зачѣмъ?..

Мямлинъ *(смущеннымъ голосомъ)*.

Затѣмъ, что вотъ-съ въ этой бумагѣ прямо сказано, что для казны не должно существовать десятилѣтней давности *(показываетъ на одну изъ бумагъ въ дѣлѣ)*.

Графъ *(взглянувъ на эту бумагу)*.

А вы дали себѣ трудъ подумать, что это за бумага?.. Это-съ мнѣніе палаты, которая, ко-

гда былъ возбужденъ общій вопросъ по сему предмету, то полагала съ своей стороны, что на тѣ случаи, гдѣ нарушены границы генеральнаго межеванія, не должно распространяться десятилѣтней давности и съ нею однако никто не согласился... Вѣдь это наконецъ несносно, Дмитрій Дмитричъ, вы мало того, что не вникли нисколько въ самое дѣло, но мнѣ приходится еще спорить съ вами, опровергать разныя смутныя мысли, которыя случайно приходятъ вамъ въ голову!.. На будущее время прикажите ужъ лучше докладывать мнѣ вашимъ подчиненнымъ, а сами пока посидите при этомъ и поучитесь!

Мямлинъ.

Но мнѣ это будетъ очень обидно, ваше сіятельство!

Графъ.

Но что-жъ мнѣ дѣлать? Какъ-же быть... Мнѣ самому читать за васъ всѣ дѣла и объяснять вамъ ихъ – я не имѣю на то ни времени, ни желанія.

(Входитъ лакей).

Лакей.

Ольга Петровна пріѣхала!

Графъ.

Что?

Лакей.

Ольга Петровна пріѣхала и говоритъ, что ей очень нужно васъ видѣть.

Графъ (*подумавъ немного и обращаясь къ Мямлину и князю Янтарному*).

Дочь, господа, пріѣхала прошу на время выйти!

(Князь Янтарный и Мямлинъ уходятъ).

Графъ (*лакею*).

Проси!

(Лакей уходитъ).

Явленіе IV

Графъ (*одинъ*).

Нечего сказать – славный народъ!. А отчего?.. Оттого, что ни одинъ изъ нихъ службы никогда настоящей не несъ! Я, бывало, адъютантомъ былъ, къ генералу своему идешь съ бумагой, дрожишь, что запятой какойнибудь не забылъ ли поставить, потому что у того пѣна у рта сейчасъ появится, и онъ мѣсяць за это съ гауптвахты не спустить, а имъ что! Онъ стоитъ передъ тобой, да брелоками только поигрываетъ, или несетъ чепуху въ родѣ этого непропеченаго калача московскаго – Мямлина!

Явленіе V

Графъ и **Ольга Петровна**.

Ольга Петровна (*входя*).

Ты занятъ, папа?

Графъ.

Да, пожиналъ труды твоего супруга за время болѣзни моей и наслаждался ими.

Ольга Петровна.

Что же такое мужъ мой сдѣлалъ за время твоей болѣзни?

Графъ.

То, что насажалъ мнѣ такихъ умниковъ, съ которыми я не знаю какъ и быть.

Ольга Петровна.

Кого же это?

Графъ.

Во первыхъ, какого-то полковника Варенуху!

Ольга Петровна.

Не какого-то, папа, я рекомендованнаго княземъ Михайломъ Семенычемъ!.. Наконецъ полковникъ Варнуха получилъ такое ничтожное мѣсто, что объ этомъ, я полагаю, и говорить не стоитъ.

Графъ *(не слушая дочери).*

Вмѣсто дѣльнаго и трудолюбиваго Вуланда выбрать какого-то лѣнтяя восточнаго, князя Янтарнаго, и вдобавокъ еще злѣйшаго врага моего, который бранилъ меня на всѣхъ перекресткахъ.

Ольга Петровна.

Ему затѣмъ, папа, и дали это мѣсто, чтобы онъ не кричалъ противъ тебя.

Графъ.

А, такъ это вы обо мнѣ заботились!.. Какія, подумаешь, у меня добрыя и нѣжныя дѣти!

Ольга Петровна.

Ты вотъ, папа, сердисься, и разными пу-
стяками тревожишь себя, а между тѣмъ я
пріѣхала въ тебѣ по гораздо болѣе серьезному
и непріятному дѣлу!

Графъ.

У васъ съ супругомъ, кажется, только тѣ
дѣла и серьезны, когда что до васъ касается.

Ольга Петровна.

Нѣтъ, папа, это и до тебя касается!.. Мужа
призывалъ къ себѣ князь Михайло Семены-
чъ.

Графъ *(насмѣшливо).*

Съ чѣмъ его и поздравляю.

Ольга Петровна.

И говорилъ ему, что въ правительственныхъ сферахъ очень неблагопріятно смотрятъ, что ты и мужъ, то-есть, тестъ и зять такъ близко служатъ другъ къ другу.

Графъ (*тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ*).

Я говорилъ вамъ это еще прежде, предсказывалъ; а теперъ и кушайте, что сами себѣ приготовили.

Ольга Петровна.

Нельзя же, папа, чувствами владѣть и душиить ихъ въ себѣ для сохраненія выгодъ по службѣ!.. Чувства дороже всего для человѣка!

Графъ.

А когда дороже, такъ и наслаждайтесь ими и уѣзжайте куда нибудь въ Аркадію.

Ольга Петровна.

Мы бы и уѣхали, но мужа не пускаютъ изъ службы.

Графъ.

Кто-жъ его можетъ не пустить?

Ольга Петровна.

Не то что не пускаютъ, а просятъ остаться, потому что Вуландъ умеръ, вновь назначен-

ные на мѣста люди совершенно неопытны, ты старъ и часто бываешь боленъ.

Графъ.

Опять я!.. Но я просилъ бы васъ покорнѣйше оставить меня въ покоѣ: боленъ ли я, здоровъ ли, вамъ рѣшительно нѣтъ до этого никакого дѣла.

Ольга Петровна.

Нѣтъ, папа, мнѣ есть до этого дѣло и большое: твой докторъ прямо мнѣ сказалъ, что если ты также усиленно будешь заниматься твоей службой, какъ прежде занимался, такъ жизнь свою сократишь.

Графъ.

Какой прозорливый докторъ и какъ эти слова его должны тебѣ нравиться.

Ольга Петровна.

Ты, папа, кажется, не хочешь понять ни чувства моего, изъ котораго я тебѣ это говорю, ни того, что я хочу тебѣ сказать.

Графъ.

Къ несчастію, я все очень хорошо понимаю!.. Все!.. Тебѣ хочется спихнуть меня съ моего мѣста и посадить на него твоего мужа — вотъ чтó хочется тебѣ сдѣлать!

Ольга Петровна.

Да, папа, я очень желаю, чтобы ты вышелъ въ отставку, и чтобы на твое мѣсто поступи-
лъ мужъ.

Графъ (*горько усмѣхнувшись*).

Откровенно сказано!

Ольга Петровна.

Совершенно откровенно!.. Другая на мое-
мъ мѣстѣ стала бы, можетъ быть, хитрить,
скрытничать.

Графъ.

И знаешь: это гораздо было бы лучше!.. Го-
раздо!.. Есть такого рода откровенности, кото-
рыя требуютъ большой безсовѣстности, что-
бы высказывать ихъ.

Ольга Петровна (*нѣсколько смущенная
этими словами*).

Только не передъ тобой, папа!.. Ты самъ
добротой своей ко мнѣ приучилъ меня быть
совершенно откровенной съ тобою и хотъ
тебѣ и неприятно теперъ выслушивать меня,
но я все-таки хочу высказать еще нѣсколько
моихъ резоновъ...

(*Графъ дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе*).

Ольга Петровна.

Я объясню все въ короткихъ словахъ: тебѣ и Алексѣю Николаичу нельзя вмѣстѣ служить, — это уже рѣшено!.. Тебя, разумѣется, если ты самъ не пожелаешь того, не тронуть: за тобой слишкомъ много заслугъ и ты слишкомъ много уважаемъ, чтобы тебя захотѣли огорчить! Поэтому пострадаетъ тутъ бѣдный мужъ мой; ему дадутъ плохонькое мѣстечко или просто даже велятъ подать въ отставку, — словомъ, его карьера, такъ блистательно имъ начатая, будетъ подсѣчена въ корень. И сверхъ всего: мы будемъ обречены на бѣдность, потому что у Алексѣя Николаича ничего нѣтъ...

Графъ (*перебивая дочь*).

А триста тысячъ, которыя онъ взялъ съ Калишинской компаніи?

Ольга Петровна.

Алексѣй Николаичъ тебѣ говорилъ, куда ушли эти триста тысячъ, и если ты, папа, вздумаешь этими деньгами сдѣлать какойнибудь вредъ мужу, то я буду требовать отъ тебя пяти тысячъ душъ материнскаго состоянія, изъ котораго тебѣ слѣдовала только седьмая часть.

Графъ (въ ужасѣ и бѣшенствѣ).

Какъ?.. Какъ седьмая часть!.. Развѣ мать твоя дѣлила когда нибудь свое состояніе со мной?.. Развѣ оно не принадлежало мнѣ также, какъ и ей самой?.. Если я не взялъ отъ нея клочка бумаги, называемаго духовнымъ завѣщаніемъ, такъ потому оно твое?..

Ольга Петровна.

Да, потому оно и мое! Адвокаты мнѣ говорили, что если опекунъ растратилъ состояніе малолѣтней, такъ онъ долженъ возвратить его ей, а иначе его посадятъ въ тюрьму.

Графъ (въ окончательномъ бѣшенствѣ).

Ольга, молчи!!!! Дѣлай тамъ, что знаешь; но не смѣй мнѣ этого говорить въ глаза...

Ольга Петровна.

И ты, папа, молчи о трехстахъ тысячахъ!.. Если ты хочешь, чтобы я къ тебѣ была нѣжная и покорная дочь, будь и самъ ко мнѣ нѣжнымъ и добрымъ отцомъ; служить тебѣ, я прямо теперь скажу, нѣтъ никакой цѣли: состоянія на службѣ ты уже не составишь, крестовъ и чиновъ, я думаю, больше получить не желаешь.

Графъ.

Все высчитала! Забыла только одно, что я службѣ еще могу быть полезенъ: и пусть твой супругъ не думаетъ, что онъ тутъ нужнѣй меня: я его нужнѣй и пока еще онъ выученикъ мой и щенокъ, котораго я выдрессировалъ!!!

Ольга Петровна.

Мужъ мой всегда это говорилъ и говоритъ, и ты посмотри, папа, что произойдетъ потомъ: положимъ, ты оттъснишь мужа и прослужишь еще годъ, два, три, наконецъ утомишься и выйдешь въ отставку, тогда на твое мѣсто выберутъ совершенно чужаго тебѣ человека, потому что мужъ мой долженъ будетъ скрыться куда нибудь въ уединеніе и о существованіи его къ этому времени забудутъ даже, и неужели же тебѣ предоставить твое мѣсто постороннему лицу пріятнѣе, чѣмъ мужу твоей дочери? ты мнѣ, надѣюсь, не врагъ же совершенный! Наконецъ, если не для насъ обоихъ, то для твоего будущаго внука, котораго я ношу теперь подъ сердцемъ, ты долженъ желать устроить нашу участь.

Графъ (*злбно усмѣхаясь*).

Даже тому, что ты будешь матерью, какъ

говоришь теперь, я тебѣ не вѣрю, до того я въ васъ извѣрился!

Ольга Петровна.

Я могу, папа, на эти оскорбленіи твои отвѣчать только слезами!.. *(начинаетъ плакать).*

Графъ.

И не плачь, пожалуйста, при мнѣ!.. Слезамъ твоимъ я тоже не повѣрю и убѣжденъ, что онѣ притворныя.

Ольга Петровна.

Говори, папа, все что хочешь!

(Проходитъ нѣсколько минутъ молчанія, въ продолженіи которыхъ Ольга Петровна плачетъ, а графъ сидитъ насупившись. Входитъ лакей).

Лакей.

Князь Михайло Семенычъ приѣхалъ!

Графъ *(взмахивая глазами на дочь).*

Это по вашему приглашенію, что ли?

Ольга Петровна *(продолжая плакать).*

Нѣтъ, папа, я не могла приглашать его!

Графъ *(лакею).*

Попроси князя навѣрхъ.

(Лакей уходитъ).

Графъ (дочери).

Я угадалъ, что у тебя слезы притворныя! Ты плакала, чтобы протянуть время и подождать, пока прїѣдетъ этотъ гость.

Ольга Петровна.

Грѣхъ тебѣ, папа, такъ безжалостно оскорблять меня.

Графъ.

Мнѣ же грѣхъ, – ахъ ты негодяйка этакая! Они мнѣ съ супругомъ дѣлають на каждомъ шагу козни и мерзости, а я и высказать того не смѣй – фу-ты, наглецы безстыжіе! (*порывисто встаетъ и уходитъ*).

Явленіе VI

Ольга Петровна (*сейчасъ-же утираетъ слезы и, пріотворивъ дверь въ сосѣдную комнату, говоритъ*):

Войдите сюда, господа!.. Графъ ушелъ наверхъ!

(Входятъ князь Янтарный и Мямлинъ).

Ольга Петровна (*снова заглядывая въ дверь*).

А вы, monsieur Шуберскій, что же остались тамъ?

(Шуберскій тоже входитъ).

Ольга Петровна (*обращаясь ко всѣмъ имъ*).

Вамъ вѣроятно графъ наговорилъ много непріятностей?

Мямлинъ (*поднимая значительно брови*).

Да еще какихъ-съ, – надобно знать!

Князь Янтарный (*гордо*).

Онъ себѣ позволилъ то мнѣ сказать, что я службу мою брошу, потому что я не привыкъ, чтобы начальники мои, кто бы они ни были, такъ обращались со мной.

Мямлинъ (*краткимъ голосомъ и разводя руками*).

А изъ меня онъ такого дурака представи-
ль, что я до сихъ поръ опомниться не могу!..
Еще одно такое объясненіе, и со мной ударъ
случится!.. *(Начинаетъ дѣлать изъ лица гримасы).*

Ольга Петровна.

Ужасно, какой старикъ невыносимый
сталъ! На Алексѣя Николаича онъ тоже
взбѣшенъ до послѣдней степени и чѣмъ кон-
чится эта ссора я не знаю, тѣмъ больше, что
къ папа теперь пріѣхалъ князь Михайло Се-
менычъ.

Князь Янтарный и Мямлинъ *(почти съ испугомъ).*

Пріѣхалъ!.. Зачѣмъ?

Ольга Петровна.

Не знаю собственно зачѣмъ; но ожидаю,
что отецъ, подъ вліяніемъ досады на Алексѣя
Николаича, наскажетъ на него князю.

Мямлинъ *(съ одушевленіемъ).*

А я князю наскажу на самого графа, – вотъ
что-съ!

Ольга Петровна.

И объясните князю, что отецъ главнымъ
образомъ за то сердится на мужа, что вотъ

онъ и я тогда очень хлопотали, чтобы васъ опредѣлили на ваше теперешнее мѣсто!

Мямлинъ.

И то скажу-съ, доложу ему.

Ольга Петровна (*обращаясь къ Янтарному*).

За ваше назначеніе графъ тоже бѣсится на мужа. «Какимъ образомъ, говоритъ, опредѣлить ко мнѣ въ службу злѣйшаго врага моего, который злословилъ меня на каждомъ шагу».

Князь Янтарный.

Я и теперь буду злословить графа, – въ этомъ случаѣ pardon, madame, но графъ своимъ обращеніемъ самъ вызываетъ это и дѣлаетъ себѣ изъ всѣхъ враговъ.

Ольга Петровна.

Совершенно понимаю это и извиняю вполнѣ! (*обращаясь къ Шуберскому*). А васъ, monsieur Шуберскій, зачѣмъ собственно графъ призывалъ?

Шуберскій (*съ горькой усмѣшкой*).

Чтобы велѣтъ мнѣ подать въ отставку.

Ольга Петровна.

Это ужасно!.. Вотъ теперь вы и видите, кто

вась преслѣдуетъ: мужъ или графъ.

Шуберскій.

Теперь конечно вижу!

Ольга Петровна.

Тоже самое и въ другихъ случаяхъ, и даже это Калишинское дѣло, какъ оно происходило, — я не знаю; но знаю только одно, что Алексѣй Николаичъ тутъ чистъ, какъ ангелъ, и что если страдаетъ за что, такъ за свою преданность къ лицамъ, которыя повыше его стояли, и вы ужъ, пожалуста, заступитесь за мужа въ печати, если его очень опять тамъ злословить будутъ.

Шуберскій.

Это священная обязанность для меня, потому что я такъ въ этомъ отношеніи виноватъ передъ Алексѣемъ Николаичемъ, что конечно долженъ употребить все, чтобы загладить передъ нимъ вину свою.

Ольга Петровна.

А вы давно занимаетесь литературой? Давно получили призваніе къ ней?

Шуберскій.

Съ дѣтскихъ почти лѣтъ.

Ольга Петровна.

Какъ это пріятно! Все-таки это творчество, поэзія, а не сухая служебная проза!.. Однако, я слышу, графъ идетъ! Уйдите, господа!

(Князь Янтарный, Мямлинъ и Шуберскій поспѣшно уходятъ).

Явленіе VII

Ольга Петровна и графъ.

Графъ *(входя съ прежней злобной усмѣшкой и довольно низко кланяясь дочери).*

Поздравляю васъ: супругъ вашъ назначается на мое мѣсто...

Ольга Петровна *(бросаясь было къ отцу на шею).*

Мерсі, папа!

Графъ *(отстраняясь).*

Не благодарите!.. Не я вамъ устроилъ это, а вы сами!.. И я желалъ бы только спросить твоего мужа, что неужели въ его гадкой и черствой душонкѣ за все, что я сдѣлалъ для него, не накопилось на столько благодарности ко мнѣ, чтобы не ѣздить по городу и не сочинять, что будто бы онъ всегда все дѣлалъ за меня, и что теперь я сумасшедшій даже! Если ужъ ему такъ хотѣлось этого проклятаго

мѣста моего, такъ лучше бы онъ пришелъ и поклонился мнѣ; я уступилъ бы ему его и по крайней мѣрѣ не считалъ бы его тогда подлецомъ совершеннымъ.

Ольга Петровна.

Мы для тебя же, папа, желали, чтобы ты вышелъ въ отставку и успокоился.

Графъ.

Ничего вы мнѣ не желали!.. Только пастъ свою удовлетворить вы желали, крокодилы ненасытные!.. Что ты всегда была волчицей честолюбивой – это видѣлъ я съ дѣтскихъ лѣтъ твоихъ; но его я любилъ и думалъ, что онъ меня любитъ! На прощанье я могу пожелать одного: пусть у тебя родится дочь, похожая душою на тебя, а онъ отогрѣетъ за пазухой у себя такого же змѣеныша – чиновника, какого я въ немъ отогрѣлъ, тогда вы, можетъ быть, и поймете, что я теперь чувствую! *(быстро поворачивается и уходитъ).*

Явленіе VIII

Ольга Петровна *(одна и усмѣхаясь)*.

Сердись теперь, пожалуй, сколько хочешь... Дѣло сдѣлано!.. Ъхать поскорѣе къ мужу и обрадовать его... *(Идетъ, но въ дверяхъ встрѣчается съ Андашевскимъ)*.

Явленіе IX

Ольга Петровна и Андашевскій.

Ольга Петровна.

Ты пріѣхалъ?

Андашевскій.

Да!.. Я тутъ у подъѣзда дожидался и сейчасъ встрѣтилъ князя Михайла Семеныча: онъ говоритъ, что я буду назначенъ.

Ольга Петровна.

Непремѣнно будешь назначенъ!

Андашевскій *(беря себя за голову)*.

Господи, что же это такое!.. Я заплачу!

Ольга Петровна.

Заплачь!!.. ничего!.. Тебѣ легче послѣ того будетъ!

(Андашевскій начинаетъ утирать

выступившія у него на глазахъ слезы; у Ольги Петровны тоже глаза наполняются слезами)

Андашевскій (*съ чувствомъ*).

Князь сказывалъ, что старикъ самъ даже желалъ оставить это мѣсто и передать его мнѣ.

Ольга Петровна.

Хорошо желалъ! Ты послушалъ бы какими онъ именами насъ обоихъ называлъ, такъ что я солгала даже ему, что буду матерью... Впрочемъ, Богъ съ нимъ.. Скажи лучше, кого ты думаешь взять на твое мѣсто?

Андашевскій (*нѣсколько задумавшись*).

Конечно князя Янтарнаго!.. Впервыхъ, у него связи огромныя, а вовторыхъ, онъ самъ неопасенъ, – не подшибетъ никогда!

Ольга Петровна.

А на мѣсто Янтарнаго кого ты назначишь?

Андашевскій.

Право, ужъ я не знаю!

Ольга Петровна.

Назначь Шуберскаго!.. Онъ въ печати имѣетъ значеніе!.. Не мѣшаетъ и въ этой сферѣ имѣть преданнаго человѣка.

Андашевскій.

Мысль не дурная!

Ольга Петровна.

А теперь позови ихъ скорѣе и объяви имъ о твоёмъ назначеніи – они очень рады будутъ этому.

Андашевскій.

Сейчасъ позову! (*приотворяя дверь*) Пожалуйста сюда, господа!

Явленіе X

Входитъ князь Янтарный, Мямлинъ и Шуберскій.

Андашевскій.

Графъ оставляетъ службу...

Всѣ въ одинъ голосъ.

Кто-жъ на мѣсто его?

Андашевскій (*съ нѣкоторымъ трепетомъ въ голосъ*).

Я, кажется, назначаюсь!

Мямлинъ (*благоговѣнно складывая руки и возводя глаза къ небу*).

Господи, благодарю тебя за то!

Князь Янтарный (*грустнымъ тономъ*).

Настоящее мѣсто ваше, поэтому, дѣлается

вакантнымъ?

Андашевскій.

Да, если это случится... и въ такомъ случаѣ я буду имѣть честь васъ пригласить на него, а теперь все-таки позвольте мнѣ, какъ будущаго моего помощника, обнять васъ...

Князь Янтарный.

О, благодарю васъ!

(Они обнимаются и целуются).

Андашевскій *(Мямлину).*

А васъ, Богъ дастъ, къ новому году мы по-лечимъ отъ вашей болѣзни Анненской лентою!

Мямлинъ.

Излечусь этимъ, совершенно излечусь!

Андашевскій *(Шуберскому).*

Вамъ, господинъ Шуберскій, я тоже бы желалъ предложить мѣсто Георгія Ираклича, когда оно освободится, если только это не повредитъ вашимъ литературнымъ занятіямъ.

Шуберскій *(задыхающимся отъ радости голосомъ).*

Нисколько-съ это не повредитъ!!

Мямлинъ.

Директоръ отличный онъ будетъ, и похва-

ливать насъ иногда въ газетахъ станеть.

Шуберскій.

Въ отношеніи товарищей я ужъ конечно ничего другаго не могу написать.

Андашевскій.

Кабинетъ, такимъ образомъ, составлень! (берется за свою шляпу; тому же примѣру слѣдуютъ и всѣ прочіе; Андашевскій начинаетъ при этомъ даже насвистывать одну изъ арій; Ольга Петровна весело натягиваетъ свои перчатки; фізіономіи прочихъ лицъ сіяютъ удовольствіемъ; вдругъ въ дверяхъ изъ заднихъ комнатъ показывается графъ Зыровъ).

Графъ (дѣлая довольно повелительный жестъ рукою).

Прошу васъ, господа, пріостановиться на минуту и не расходиться!

(Всѣ останавливаются. Графъ выходитъ на аванъ-сцену; выраженіе лица его печальное и серьезное).

Графъ (начинаетъ медленно и довольно протяжно говорить).

Я сейчасъ получилъ письмо отъ князя Михайла Семеныча, которое и имѣю честь

предъявить вамъ! (*подноситъ держимое имъ въ рукѣ письмо къ глазамъ своимъ и читаетъ его*): Любезный графъ! поздравляю васъ съ пожалованіемъ вамъ желаемой вами «пенсіи-аренды» и вмѣстѣ съ тѣмъ спѣшу васъ увѣдомить, что на ваше мѣсто «назначенъ Петръ Григорьевичъ Карга-Короваевъ!»

(Занавѣсъ падаетъ).